

Николай Ободников

СИРЕНЬИ АМАЯ

Победитель конкурса
«Со слов очевидцев 2023»

Лучший
триллер

Литрес

Николай Ободников

Сирены Амая

«Автор»

2022

Ободников Н.

Сирены Амая / Н. Ободников — «Автор», 2022

На берег Онежской губы выбрасывает мёртвую девушку. Полиция в недоумении: обнаруженное тело — сплошная загадка. Незвестный в своей жестокости превзошёл многих маньяков-убийц, а ритуальный подтекст содеянного поставил в тупик лучшие умы сыска. Следы ведут на безлюдный остров Сирены Амая. Но такое ли глухое это место? Что, если остров — рассадник примитивных обычаев, а заправляет всем культ безумцев? И кто знает, не ожидает ли незваных гостей нечто пострашнее смерти?

Содержание

Часть 1 Берега	5
1 Наказание Аннели	5
2 Находка Пикуля	7
3 История шокирующего расследования (стр. 4)	9
4 Холодный пляж	10
5 Зыбкий след	14
6 Экотаон и камни	18
7 Загадки секционной	20
8 Специалист	25
9 Разгадка	28
10 Запоздалое озарение	32
11 Экспертиза и яд	35
12 Вечер «Архипелага»	37
13 Беседа (фрагмент 1)	46
Часть 2 Сирены Амая	48
14 Отплытие	48
15 «Твисты планеты»	51
16 Дозорный	53
17 Марьятта и Яма	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Николай Ободников

Сирены Амая

Часть 1 Берега

1 Наказание Аннели

Марьятту пошатывало от усталости. Временами перед глазами вставал образ двух зеленых холмов, способных накормить стада овец, а потом с неба начинало изливаться пламя, и холмы вскипали. Затем они проваливались, и на их месте возникала огненная шахта, уводившая в земные недра.

В груди вспыхнули два очага боли, и Марьятта застонала. Действие обезболивающего заканчивалось. В голове пронеслась безумная, но правдивая мысль: Красный Амай следит за ней тысячами глаз, прислушивается к ее дыханию. К счастью, глаза, которые могли бы обнаружить ее грех слабости, были обращены в другую сторону.

На небольшом деревянном помосте кричала Аннели, одна из немногих в общине, чье лицо было ровным, как крылья бабочки. Ее прерывистый вопль, походивший на стон рожавшего в муках животного, разрывал ночные звуки тайги и, отражаясь от камней, утекал в звездное небо.

В отблесках факелов было видно, как Аннели, голую и безгрудую, удерживают две фигуры в черных рясах. Секунда-другая, и ее поднимут на плечи, этокое мимолетное похоронное ложе.

«Камни – ваши матери! Они же вас и прихлопнут!» Марьятта едва сдерживала себя, но это не мешало ей кричать в своем внутреннем мире. В глазах всё расплывалось, и она быстро протерла их ладонью.

За помостом и под ним сгущались тьма. Марьятта знала, что там находится огромная дыра в скальном массиве, ведущая прямоком в живот их бога. Дыра так и называлась – Глотка Амая. Да и могла ли по-другому называться пасть, не ведавшая никакого насыщения?

Крики несчастной Аннели сменились захлебывающейся отрыжкой, и ее вытошнило кровью. Такое нередко случалось, когда желудок был заполнен пищей. В таких случаях бусины, прежде чем обжечь внутренности и прикипеть к ним, выталкивали наружу всё лишнее. Как правило, вместе с кровью.

Джакко и Димитрий зашептались, вытягивая шеи, и Марьятта ощутила злорадство. Ей было жаль Аннели, но она хотела, чтобы всё пошло не по плану. И если уж земля не провалится, чтобы пожрать всех, то пускай хотя бы это крошечное отклонение досадит остальным. Одна из фигур присела и принялась шарить пальцами по крови, исторгнутой Аннели. Наконец показала, что всё в порядке.

Люди, казавшиеся призраками в оранжевой тьме, оживились. Марьятта не видела лиц, не желала смотреть на них, но догадывалась, что сумасшедшая радость превращала улыбки в оскалы, а глаза – в бесцветные угли. Даже дети напоминали крошечных истуканов, зараженных ночным безумием.

Справа колыхнулись черные ленты широкополой шляпы, и Марьятта беззвучно ахнула. Вирпи, одна из страшнейших женщин общины, стояла совсем рядом. Навеваемый ею страх происходил от осознания того, *чем именно* она занималась в сарайчике со странным и бессмысленным названием.

Вирпи запрокинула голову и тяжело задышала; глаза выкатились, губы задрожали, выталкивая бессвязные благодарности. Это состояние иступления, будто по цепи, передалось остальным, и вскоре Марьятта, едва не съеживаясь от ужаса, очутилась в центре бормочущей толпы. Ритуал впервые вызывал у нее такое отвращение.

Аннели испустила вопль, который с уверенностью можно было окрестить залпом яростной обиды.

– Я просто хотела другой жизни! – прорыдала она.

Ее голос напомнил длинную иглу, уколотившую сквозь череп прямо в мозг. По крайней мере, так это ощутила Марьятта. Но куда важнее было то, что она распознала в этом рыдании. Ересь. Слабость, облеченную в слова. А еще там барахталась мечта, которую убивали на глазах нескольких десятков человек.

От группки фигур в рясах, обособленно стоявшей у помоста, отделилась самая высокая. Антеро. Если кто-то и должен был ответить вероотступнице, так это старейшина.

– А ты попроси о другой жизни *лично*, – посоветовал он, обращаясь к Аннели. – Только говори громче, экотаон, – чтобы *Он* тебя услышал. А еще лучше – вопи об этом.

В груди Марьятты всё замерло, кровь будто смерзлась от страха. Из дыры выползло тяжелое и мощное дыхание.

А потом оттуда рванул рев.

Сперва он напоминал протяжный выдох, несший в себе простейший звук, доступный даже новорожденным. Затем звук трансформировался в нечто визгливое и настолько глубокое, что оно могло принадлежать только древнему существу, выражавшему ярость где-то глубоко под тоннами земли.

Несколько рук встряхнули Аннели, на мгновение притушив ее рыдания, и подняли. Марьятта, единственная, кто не запрокинул голову в экстазе, в последний раз посмотрела на эту маленькую девушку, лишённую даже права называться женщиной.

Тени от факелов вздрогнули, когда те же руки сбросили жертву в ревушую глотку земли.

Истошный и безобразный крик Аннели, в котором не было ни красоты, ни благородства, лишь животный страх смерти, забрался Марьятте под кожу. Она замотала головой, размазывая по лицу слёзы.

Вопль Аннели сменился одиночным выстрелом кашля, какой обычно бывает, если резко приложиться грудью о препятствие, а потом и вовсе стих. Амай не церемонился с отступниками. Подземный рев стихал, говоря об удовлетворении его обладателя.

Члены общины, столь карикатурно собранные природой, один за другим расходились, исчезали в ночной тайге. Но едва ли кто-либо из них осознавал собственную ничтожность или уродство. Огни факелов разбрасывали острые тени. Где-то на западе завывала дыра поменьше. Нет, бог на сегодня сыт. Он просто напоминал о себе – этим жутким воем в ночи.

Побрела со всеми и Марьятта, спотыкаясь в темноте. В груди двумя змейками, свернувшись в клубок, пульсировала боль. У нее еще оставался кеторол. Последний блистер с убийцами боли. Но что будет, когда и он закончится? Да ничего нового. Придется *опять* посмотреть в глаза той, что продолжала резать и резать, несмотря на все крики и увещания.

Ладони сами собой сжались в кулаки, и Марьятта тихо, сквозь слёзы, рассмеялась.

2 Находка Пикуля

Вид пса, с лаем носившегося за чайками, мог вызвать улыбку у кого угодно, но только не у человека, собиравшегося позвать собаку по имени, которое сложно было назвать собачьим или хотя бы по-собачьи справедливым. Спрятав нос в воротник стеганой куртки, Антон Юрченко, больше известный на работе как Юрч, еще раз огляделся. Коттеджи и многоэтажки Пираостровска, оставшиеся вдальке добычей утренней хмари, утверждали, что никто ничего не услышит. Прибой также клялся в том, что звуковой позор будет погашен в радиусе двадцати-тридцати метров.

Море, редкие острова и небо напоминали монохромную картинку, и только по каменистому берегу сновало яркое тигровое пятнышко. Басенджи напоминал точку от исполинской лазерной указки, которой, по-видимому, забавлялся какой-то шутник на черно-серых облаках.

– Господи, ну за что мне это? – Юрч покачал головой, проклиная собственную мягкотелость, которую в этот самый миг студил бриз.

Пес объявился в его жизни около пяти месяцев назад – возник вместе с датой календаря, утверждавшей, что не худо бы девочке на свое десятилетие получить стоящий подарок. Бог – свидетель, Юрч любил дочь и потому купился на все эти уговоры, гарантировавшие, что собака будет бременем юной леди с косичками.

– Ну и кто теперь идиот? – пробормотал он. Еще раз удостоверился, что на берегу только он, пес да сумасшедшие чайки, затеявшие склоку чуть впереди. – Пикуль! Пикуль, чёрт возьми! Ко мне, полосатая ты труба на ножках!

Пес поднял голову, гавкнул и продолжил распугивать птиц.

Чертыхнувшись, Юрч сунул озябшие руки под мышки и побрел к собаке. Пикуль. До чего же нелепое имечко для собаки. Особенно для кобеля! Лишь по этой причине Юрч вот уже второй месяц выгуливал пса на берегу Белого моря.

Много ли можно вытерпеть снисходительных улыбок, так и говоривших, что кличку придумал именно он, Антон Юрченко, а не его дочь? Что вы говорите? Десятилетняя крошка наградила питомца таким прозвищем? Ну что вы. Это больше походит на мечту выпивохи... коим Юрч себя, конечно же, не считал, хоть и признавал достоинства маринованной закуски.

О писателе по фамилии Пíкуль, авторе исторических и военных книг советских времен, он, на беду, не знал. Как и не знал о том, что пикули, они же – маринованная закуска, пишутся исключительно во множественном числе.

Как бы то ни было, факт оставался фактом. Дочь дала псу кличку, а отдуваться и краснеть за нее приходилось Юрчу.

– Пикуль! – взревел он. Раздражение поднималось к горлу кислой пеной.

И кислота в глотке начала жечь с утроенной силой.

Басенджи наконец-то распугал всех чаек и теперь с удивлением смотрел, как голова и левая рука объекта, пробудившего интерес птиц, полощется в темной волне.

Голова трупа качнулась, челюсть приоткрылась, и пес с повизгиванием бросился к хозяину.

Возможно, в другой момент Юрч и оценил бы, что пес ищет у него защиты, но сейчас всем его вниманием завладела мертвая девушка. На какой-то миг этот сорокалетний мужчина, резко постаревший на пару веков, застыл, а потом подхватил скулившего пса на руки и осторожными шагами направился к мертвецу.

– Тише, Пикуль, успокойся. Да уймись же ты, ради бога! Мы просто убедимся, что тетя не может встать сама, хорошо?

В следующую секунду Юрч засомневался в правдивости собственных слов. Мертвец будто бы пытался ввести стороннего наблюдателя в заблуждение относительно своего пола:

короткая стрижка, наполовину зарубцевавшиеся раны в области груди, в лобковых волосах всё казалось сжатым и перекрученным.

Но это была девушка.

Об этом говорило всё: от широких бедер до типично женского расположения жирка – на талии, ляжках и, вероятно, ягодицах. Вдобавок нагую и юную покойницу покрывали раны столь глубокие, что они походили на следы ударов штыковой лопатой. Многие участки кожи на животе, благодаря холодной воде, превратились в тонкие красные кружева.

Но даже эти повреждения не могли скрыть явного уродства неизвестной. Юрч вдруг понял, что если он сейчас же не отведет глаз, то навсегда запомнит эти чудовищные ступни и приветливое помахивание левой рукой. «Привет-привет, я приду к тебе в кошмарах, Антоша! Там мы помашем друг другу ручкой, а потом я откушу от тебя маленький кусочек».

– Господи, нет! – Юрч резко отвернулся.

Еще до того, как вызвать полицию, он внимательно посмотрел на время и дату календаря на смартфоне. Их стоило запомнить хотя бы потому, что сегодня, двадцать шестого апреля, в половине девятого, он нашел свой первый в жизни труп.

3 История шокирующего расследования (стр. 4)

Из книги «Сирены Амая: история шокирующего расследования», Ярослав Доргун, издательство «Черная Древесина», 2023 г., страница 4.

«Память мира – всё равно что глина.

Незначительные события, вроде пожаров, обрушения домов или авиакатастроф, оставляют на глине одну-две буквы. Проходит мгновение, и большой палец судьбы смазывает их и ногтем вписывает кое-что поострее. Безусловно, войны и вооруженные конфликты навсегда останутся в глине, но есть вещи, которые будут на поверхности любого года и любого слоя этой вязкой массы.

История того же Чикатило, жестокого серийного убийцы, лишившего жизни свыше пятидесяти человек на почве собственных сексуальных расстройств, способна отбить аппетит практически у любого здравомыслящего человека. Загадочное появление пары десятков кроссовок с человеческой ступней внутри каждого, обнаруженных в 2007 году на побережье моря Селищ, также глубоко вонзится в общую глинообразную память.

Хотя в последнем случае, справедливости ради отмечу, виновными оказались не пришельцы или картавые маньяки из глубинки, а обыкновенные креветки, питавшиеся утопленниками. Кто бы знал, что ракообразные в восторге от вкуса наших тел. Цинично, правда?

Следов на глине – множество, и некоторые из них поистине шокирующие. И обстоятельства, в которых оказалась следственно-оперативная группа "Архипелаг", можно смело отнести к таковым – шокирующим и, без сомнения, чудовищным.

Эта книга представляет собой наиболее полную версию событий, случившихся 27 апреля 2023 года на Сиренах Амая, одном из островов Онежской губы. И события эти настолько ужасающие и невероятные, что поверить в них практически невозможно. Только благодаря неоспоримым доказательствам, коими, как ни прискорбно, выступают тела жертв, можно принудить разум уверовать в подобные злодеяния.

Здесь читатель найдет абсолютно всё: от сомнительной истории одного из специалистов Корпуса военных топографов, случившейся в 1920-м году, до настоящего времени, когда 26 апреля 2023-го Белое море, близ поселка Пираостровск, вытолкнуло из холодных недр труп неизвестной.

Именно загадки обнаруженного тела привели к событиям, вследствие которых погибло 153 человека, включая пятерых членов следственно-оперативной группы, а один из двух выживших "Архипелага" попал под прицелы судебной и правоохранительной систем.

Речь пойдет не только об организованных и чрезвычайно жестоких убийствах, совершённых на религиозной почве, но и о том, что осталось за кулисами острова Сирены Амая. И конечно же, читатель получит ответ на главный вопрос.

«Каким богом будет человек, оказавшийся на грани смерти?»

4 Холодный пляж

Волны вдалеке казались свинцовыми и твердыми; нырни в такую – и раскроишь себе череп. Солнце, походившее на линзу мутного прожектора, едва грело, и Симо пожалел, что не сумел подъехать ближе. Комфортная «Хёндэ Крета» осталась позади, вместе с прочим служебным транспортом, который не сумел преодолеть каменистый ландшафт дикого пляжа.

От мысли о прокуренном салоне брошенной машины во рту Симо пересохло, и он забросил на язык никотиновую жвачку, ненавидя каждого, кто мог курить без кашля. Идти по скользким камням было неудобно. Взгляд то и дело оставлял ноги без подсказок, рыская по сторонам. Но что, скажите на милость, можно найти на пустынном берегу, от которого, казалось, отворачивалось даже солнце?

Тем не менее Симо не оставлял попыток обнаружить хоть что-нибудь. Это была полезная привычка, в отличие от того же курения, и отказ от нее означал бы отказ от сути профессии – расследовать. Когда до берега, покрытого камешками и пеной, осталось не более тридцати метров, к Симо пришло мрачное удовлетворение.

Следственно-оперативная группа была в сборе.

Слева участковый уполномоченный Владислав Терехов опрашивал какого-то мужичка с забавной собачонкой на руках. Бледный участковый хмурился, записывал что-то в блокнотик и зачем-то смотрел на пса. Сам хозяин собаки выглядел опустошенным и испуганным. «Будет забавно, если тело нашел мужик, а не его питомец». Симо не улыбнулся этой ироничной мысли, хоть она того и заслуживала.

Прямо по курсу, присев на корточки у самой воды, над трупом корпела Лина Щурова, серьезный эксперт-криминалист, в присутствии которого даже камни могли ощутить себя весельчаками. Но к ней покамест идти не стоило, если, конечно, не терпелось взяться за бумажную работу.

По правую руку от всего этого торчал Назар Евсеев. К нему-то Симо и направился. Он не исключал, что свою роль в выборе собеседника сыграл огонек сигареты. Вот они на пару и покурят. Назар – свой «Винстон», а Симо – свою жвачку. На сей раз улыбка, хоть и слабая, всё-таки дала о себе знать.

Старший оперуполномоченный курил, кутаясь в легкую куртку. Лицо и кожа на шее пошли красными пятнами от холода. Левая нога нетерпеливо постукивала. Только острый взгляд был ветру не по зубам.

– Что, бодрит? – спросил Симо, протягивая руку.

– До синевы. – Назар ответил на рукопожатие и чуть дольше положенного подержал руку следователя, наслаждаясь ее теплом. В который раз пожалел, что поставил мобильность выше собственного здоровья. – Что с головой?

Рука Симо метнулась к крошечному порезу. Для своих сорока одного у него еще оставалось прилично волос, чтобы он каждый третий день сбрасывал редких одиночек, оповещавших о том, что полное облысение не за горами. И так же часто он резался, если спешил. Как сегодня.

Не дождавшись ответа, Назар произнес:

– Я бы предпочел, чтобы эту недодевку прибило к финской бане. Желательно прямоком в сауну.

– «Недодевку»?

– Да. Господи, и не надо на меня так тарашиться. Лучше сам взгляни. – Назар поднес сигарету ко рту, но рука дрожала, и траектория никотиновой убийцы вышла кривой. Губы едва успели подхватить ее.

Оставив Назара докуривать, Симо зашагал к кромке воды, направляясь к Лине. Рядом с ней, на вполне удобном, хоть и мокрым камне, лежал открытый криминалистический чемо-

данчик. Профессиональный цифровой фотоаппарат покинул свое место и, выдвигая объектив, зажужжал, когда палец криминалиста включил его.

– Привет, Лина. – Симо вынул изо рта никотиновую жвачку и понял, что не может ее выкинуть, не сотворив улики места преступления, указующую как минимум на его идиотизм.

Заметив его замешательство, Лина полезла в чемоданчик и подала пустой пластиковый пакетик, куда обычно помещали всякие крохотные частицы, такие как волосы или лоскутки кожи. Симо кивнул и, сплюнув жвачку в пакетик, убрал ее в боковой карман твидового пальто.

– Время – семь минут десятого, – сказала Лина, мельком взглянув на наручные часы. – Температура воды – один градус; температура воздуха – плюс четыре.

– Погоди-погоди. – Симо вынул из-под мышки папку и достал из нее пустой протокол осмотра места происшествия. Приготовил авторучку. – Ну, давай, прищпоривай.

Лина с терпеливостью повторила сказанное, добавив к этому скорость течения, и сделала первый снимок. Эту плотную сорокатрехлетнюю женщину в теплой синей курточке с надписью «Криминалистический отдел ОМВД России по Кемскому району» Симо уважал едва ли не больше остальных. Да, Лина имела скверный характер, отрицавший такие вещи, как юмор и жизнерадостность, но за тяжелым фасадом ее лица таился настоящий профессионал.

Немного поразмыслив, Симо пришел к выводу, что он и сам не без странностей.

Например, он так и не взглянул на труп, хотя тот маячил прямо перед глазами. Некая жилка вынуждала следователя отсрочить момент знакомства с мертвецом. Оказавшись на месте преступления, Симо первым делом изучал эмоции доступных людей, в том числе коллег. Потому что улику можно скрыть или подбросить, но настоящую эмоцию, пока ее не замяли, – никогда.

– Труп – молодая женщина, – продолжила Лина, делая еще несколько снимков. – Лет пятнадцати-шестнадцати. Лицом вверх. Левая рука и голова находятся в водоеме.

На этот раз Симо обратил внимание на тело и едва не выронил авторучку.

На зыбкой границе берега и моря лежала девочка-подросток с безукоризненным лицом цвета подгнившего лимона. Тело покрывали глубокие раны; с правого бока свисал особо крупный бледно-розовый ломоть. Кожу бедер и рук покрывали красноватые буквы, похожие на те, что оставляют с помощью ножа на деревьях и скамейках влюбленные.

Но не это привело Симо в состояние глубокой задумчивости. Его разум выхватил три детали, что скрипучим болтом могли врезаться в любой рассудок, даже самый крепкий.

Первая – груди девушки были начисто срезаны. Рубцы напоминали плохо стянувшиеся кратеры.

Вторая – из промежности неизвестной торчала нитка, напоминающая крошечную антенку. Не прилипла, а именно торчала; Симо сразу это понял.

И третья деталь – ноги девушки заканчивались ступнями, не имевшими сразу трех внутренних пальцев. К ужасу Симо, это уродство явно было генетическим. Девушка словно одолжила ноги у страуса, но так и не успела вернуть их.

– Господи боже! – прошептал Симо.

Это объясняло странную нелюдимость Назара, который зачастую путался у всех под ногами, требуя немедленных действий, и бледные лица Терехова и мужичка в стеганой куртке. Нормальными выглядели только собака и Лина. Да еще медики, тащившие от дороги носилки и черный пластиковый мешок, пребывали в блаженном неведении.

Кое-как уняв волнение, Симо перевел взгляд на протокол и вывел: «Предметы, удерживающие тело на плаву и/или способствующие погружению, – отсутствуют. Одежда и обувь – отсутствуют».

Вернув фотоаппарат в чемоданчик, Лина надела белые латексные перчатки. Затем она отвела правую руку трупа в сторону и заглянула в подмышечную впадину, потом подвергла осмотру короткие черные волосы девушки. Запустила пальцы в пушок на лобке.

– При поверхностном обследовании наслоений, вызванных длительным пребыванием в водоеме, не обнаружено. Паразиты человека также не обнаружены.

Демонстрируя прилежание, Симо записал вывод криминалиста и в который раз подумал, что сказать «вошь» не так уж и сложно.

– Под ногтями чисто. Кожные покровы преимущественно бледно-фиолетовые. Мелкая мацерация ороговевших участков кожи. Молочные железы отсутствуют. Многочисленные раны в области рук, живота и ног. В отверстиях носа и рта мелкопузырчатая белая пена.

– Что за пена? – спросил Симо.

Оставив вопрос без ответа, Лина села у ног трупа и бесстыдно заглянула между ними. Прошла пальцами, затянутыми в латекс, по вульве. Симо уже знал, что сейчас сообщит криминалист. Знал это с той же тошнотворной обреченностью, с которой хотелось курить.

– Внешние половые губы сшиты шовной нитью. Стежки аккуратные, хирургические. Чуть разошлись. – Лина перевела взгляд ниже. – Имеется дефект ступней. Деф... деф...

– Ты в порядке?

Во взгляде Лины сверкнуло и погасло нечто похожее на алчность, будто при виде горшочка с золотом. Но это случилось слишком быстро, чтобы Симо успел проанализировать хоть что-либо. Поэтому он просто повторил вопрос.

– Лина, ты в порядке? Заметила что-то еще?

– Нет. Ерунда. Показалось. – Она распрямилась и потянулась к чемоданчику за пустой пол-литровой банкой с каучуковой пробкой, чтобы взять воду на анализ. – Предварительное время пребывания трупа в воде – не больше суток. Точнее скажет только вскрытие.

За время работы Симо повидал всякого, даже десятилетнюю девочку, смеявшуюся после того, как она натерла лицо спящей матери бензином и подожгла. Утопленников на открытых водоемах встречать еще не доводилось. Самоубийцы в ваннах были не в счет. Эти кретины попросту сводили счеты с жизнью максимально комфортным способом. Только знать об этом никому не полагалось, верно? Но кое в чём Симо был твердо уверен: тело, вынутое из воды, быстро разлагалось.

Словно подтверждая этот факт, те немногие участки кожи девушки, которые еще оставались белыми, прямо на глазах обретали нежный зеленоватый оттенок, навсегда отбивая охоту к свежей зелени.

– Лина, заканчивай здесь и отправь тело Харинову, пока оно не превратилось в газовую бомбу.

Та кивнула. Ее рассеянный взгляд опять отыскал эти удивительные ступни и, затухая, заскользил по ним.

Не обратив внимания на эту странность в поведении криминалиста, Симо направился к участковому и мужичку с псом. Буквально на третьем шаге его правая нога съехала на камне, и он едва не растянулся, уткнувшись носом в незаконченный протокол. Из облака раздражения его вырвал резкий окрик.

Назар, позабыв о холоде, хищно вглядывался в северную сторону каменистого пляжа.

– Эй, пацан! Пацан! Стой!

Повернув голову, Симо увидел, как прочь несется мальчик в яркой салатовой курточке, достаточно дешевой, чтобы походить на олимпийку, украденную на рынке. Бежал так, что, не будь камни влажными, могли вспыхнуть пятки.

Перехватив голодный взгляд Назара, Симо кивнул.

Оперуполномоченный рванул за ребенком. И сделал это с облегчением, какое обычно испытывает замерзший человек, получивший наконец-то возможность хорошенько разогреться.

– Стой, кому сказал!

– Только попусту не пали, Назар! – с улыбкой бросил Симо вдогонку, и оперуполномоченный отмахнулся.

Пока Назар наслаждался ролью гончей, Симо подошел к участковому и пожал всем руки. Погладил задремавшего пса. Между тем медики наконец дотащили свою ношу до трупы и Лины. Лицо медика помоложе позеленело.

«И ты такого не видал, да?» – мысленно усмехнулся Симо.

Но мысль заглянула и ушла, хлопнув дверью, не найдя для себя места. Потому что Симо анализировал рукопожатия, делая это на почти что бессознательном уровне.

Он не имел предубеждений относительно того, кому стоит жать руку. Он с равным холодным интересом приветствовал каждого, будь то коллега, женщина или кретин, который час назад вышиб дух из собственной жены с помощью гитары. Умей мертвецы хотя бы вздрагивать в такие моменты, Симо жал бы руки и им. В этом плане рукопожатие не уступало мимике. Влажность, твердость, наклон – всё имело значение для того, кто полагался не только на глаза.

Рукопожатие Терехова было твердым и сухим – рукопожатие того, кто ставит работу выше личной неприязни. А в том, что участковый испытывал к Симо необъяснимую неприязнь, сомневаться не приходилось. Иногда люди просто не нравятся друг другу. Их раздражают запахи, улыбка, габариты, служебное положение и многое другое. Симо не исключал, что в чём-то походил на отца Терехова, и вполне довольствовался этим объяснением.

А вот рукопожатие мужичка с собакой было иным. Оно напоминало горячечную встряску больного, встречавшего диагноз о выздоровлении. Никакого страха или жестокости – лишь надежда на то, что унылый пляж с трупом вскоре останется в прошлом. Явно не убийца. Собачонка, надо полагать, тоже.

– Симо Ильвес, Кемский межрайонный следственный отдел.

Мужчина сглотнул. Хоть финские имена и фамилии не были редкостью в Карелии, собаковод из услышанного понял лишь то, что разговаривает со следователем.

– Антон Юрченко, бедолага, вышедший на прогулку.

– Насколько я понимаю, тело обнаружил пес. Как зовут следопыта?

Хмурое лицо Терехова озарила улыбка, а Юрченко словно оказался в тени внезапно наплывшей тучи. Глядя на их столь непохожие эмоции, Симо понял, что кличка животного, которую он сейчас услышит, станет еще одним якорем, благодаря которому он хорошенько запомнит это холодное утро.

Тело обнаружил басенджи по кличке Пикуль.

5 Зыбкий след

Холодный воздух от бега превратился в пронизывающий ветер, и Назар обругал себя за привычку легко одеваться. Синие джинсы, в состав которых входил эластан, гарантировали преодоление препятствий без треска в области задницы, а спортивные черные ботинки – безопасное приземление даже на кирпичные осколки. Сюда же запишите серую водолазку, этакий отличительный признак сотрудников уголовного розыска, и легкую кожаную куртку.

И куртку пришлось расстегнуть.

В этом шаге, грозившем воспалением легких, не было никакой необходимости. Просто возобладала еще одна привычка: рука должна без помех дотягиваться до наплечной кобуры. От подобных мелочей зависело очень многое, иногда – чья-то жизнь. А чья жизнь дороже, чем собственная, верно?

В какой-то момент до Назара дошло, что он преследует обычного пацана и пистолет совершенно ни к чему. А еще он был уверен, что сорванец услышал крик о том, что он, Назар, из полиции. И всё же сорванец предпочел бегство.

Мальчик мчался в сторону Красной Нерки, рыбацкой дереvушки, располагавшейся в двух километрах к северу от Пираостровска. Бежал вприпрыжку, поминутно оглядываясь. От его ядовито-салатовой курточки рябило в глазах, и Назар, усиленно моргая, отвернулся к морю. Вид волн, перекатывавших свинцовую тяжесть, сброшенную с облаков, окончательно испортил настроение.

Наконец запыхавшийся мальчик остановился. Назар, тяжело дыша, сбавил шаг и с раздражением отметил, что они добежали до окраины Красной Нерки.

Здесь берег покрывал темный песок. Набегавшие волны пытались достать до пяти весельных лодок и катера с облупившейся лазурной краской. На жердях, установленных на границе чахлой травы, сохли сети. Домики с заборчиками, расселившиеся на склоне, напоминали узколобых идолов, чье существование сводилось к сбору капель на крышах и стеклах.

– Куда бежал? Ты что, оглох, а? Полиция! – вывалил Назар на одном выдохе, так и не найдя сил для должной гневной отповеди. В правом боку колото. Казалось, там работала швейная машинка, строчившая прямо сквозь плоть. Что и говорить, бег по камням и песку дался нелегко.

Лицо мальчика отражало крайнюю степень настороженности. На вид ему было немногим больше двенадцати. Светлые волосы. Широко посаженные глаза, почти рыбы. Поджатые губы. Повадки как у цыганенка, который разок-другой побывал в местном доме культуры.

– Всё-всё, успокойся. Уголовный розыск. – Назар потянулся было за служебным удостоверением, но вместо этого откинул полу куртки. Посчитал, что пистолет в кобуре впечатлит пацана куда сильнее, нежели какая-то книжица с фотографией. – Чего убежал-то?

– Я слышал, как тот, в пальто, сказал, чтобы вы не палили.

«Господи, Симо! Что на тебя вообще нашло? Надо ж было такое ляпнуть!» – мысленно простонал Назар. Не без удовольствия представив, как высыпает на голову Симо тачку с навозом, он застегнул куртку. Из воротника вырвался слабый запах пота.

– Как видишь, я и не палю. Это была крайне неудачная шутка. А чего остановился?

– Ну, вряд ли вы станете стрелять при чужих. – Сказав так, мальчик сделал неопределенный жест, охватывая деревню.

– А ты умен не по годам, верно? Как тебя зовут?

– Матвей.

– Знаешь, что случилось там, на берегу, Матвей?

Мальчик понизил голос:

– Там кого-то убили, да?

– Этого мы не знаем. Иногда люди сами умирают. – Назар выдержал невинную паузу. – А почему ты решил, что там кого-то убили?

Матвей пожал плечами, и ядовито-салатовый цвет его курточки вспыхнул на миг.

– Слишком много людей. К моей бабке в прошлом году только медики приехали, когда она умерла, да и то сказали, чтобы отец сам ее в морг тащил.

Налетел порыв ветра, и Назар ощутил, что дрожит всем телом. Всё-таки бежать нараспашку было не лучшей идеей.

– Хорошо, да, на берегу нашли кое-кого, и здоровье этого человека, скажем так, опустилось до нуля не самым естественным образом. Видел что-нибудь странное? Каких-нибудь подозрительных или страшных людей? Может, кто-то громко кричал? Или стонал?

Лицо Матвея исказила задумчивость, сделав его некрасивым. И почти сразу он просиял.

– Вам нужно на Сирены Амая.

– Сирены Амая?

В памяти оперуполномоченного всплыла позабытая информация о том, что так назывался один из островов Онежской губы. Остров считался пустым и неприступным. Так было и в детстве Назара, и сейчас. Ничего интересного для обычного человека или того же рыбака. Если ты, конечно, не из тех, кто проворачивает делишки там, где потемнее. А от таких... да, от таких личностей трупы частенько остаются. Хоть и не столь жуткие.

Назар посмотрел на море, выискивая среди далеких синеватых громадин искомый кусок суши.

– И что там, на этих Сиренах?

Матвей огляделся, словно собираясь выдать тайну, и поманил Назара к себе. Тот послушно наклонился.

– Оттуда по ночам приплывают страшные люди, – прошептал мальчик. Его широко раскрытые глаза говорили о том, что он не шутит.

– Для чего? Для чего приплывают эти страшные люди?

Матвей открыл было рот, чтобы ответить, но с его обветренных губ сорвался вскрик.

На голову мальчику легла чья-то грязная пятерня и, собравшись в горсть вместе с волосами, откинула его назад.

Назар распрямился. Над всхлипывавшим Матвеем возвышалась фигура. Типичный обитатель прибрежной деревни. Красное лицо. Высокие резиновые сапоги. Пятнистые штаны. Теплая фланелевая рубашка. Фуфайка со следами песка на левом рукаве.

– Это кто? – быстро спросил Назар у мальчика, хотя и догадывался, что услышит в ответ. Подобным скотским образом мог вести себя только родственник.

– Этот кто – его отец, – холодно проронил мужчина. Ничего больше не говоря, он потащил Матвея за шкуру к дому, на крыше которого чайка клевала рыбий хребет. Через три шага мужчина обернулся: – Ты – стой здесь.

Назар никогда не считал себя импульсивным человеком – или импульсивным сверх меры. Но сейчас ему пришлось обуздать все порывы. А хотелось многого. Например, схватить этого кретина за лицо и сдавить так, чтобы кожа отошла от черепа. Или просто вышибить его из собственных хлябающих сапог. Да, последний вариант был наиболее реалистичным, но и к нему он не мог прибегнуть.

Потому что любое действие, умаляющее авторитет отца в глазах сына, выйдет ребенку боком.

Назар знал, что где-то по Красной Нерке рыскали ребята из уголовного розыска или той же патрульно-постовой службы – наводили справки о найденной девушке. Один звонок, и озябший коллега, готовый разогреться на деревенском дурачке, примчится без лишних вопросов. Однако Назар предпочел не будить лихо. Так что он остался на месте, пронизываемый холодным ветром.

Не успела дверь дома закрыться за вошедшими, как опять показался отец мальчика, а следом выскочил и сам Матвей. Его левая щека горела лихорадочным румянцем, красноречиво свидетельствуя о контакте с жесткой ладонью родителя. Матвей, не оборачиваясь, помчался в глубь деревни и вскоре исчез за заборчиками.

«Ясно, эта экзекуция была только для своих», – со злостью подумал Назар.

Деревенский тем временем вернулся к оперуполномоченному. Белокурые волосы вспыхивали на ветру. Глаза сверкали гневом. Через мгновение он буквально выплюнул:

– Хочешь что-то вызнать – спрашивай у меня.

– Я тебя понял, здоровяк.

Назар опустил голову, пряча оскал. Он прикидывал, как лучше поступить. Мысль о том, что любое действие может навлечь на Матвея гнев отца, вытеснила заботы о мертвой девушке. Ему не хотелось, чтобы позднее, наедине, этот кретин выместил обиду на пацане.

Наконец соломоново решение было найдено, и Назар полез за бумажником. На свет божий появились четыре одностысячные бумажки. Секундой позже они легли на мозолистую ладонь рыбака.

– Это тебе – чтобы ты не трогал пацана. – Злость неожиданно взяла верх, и Назар, зябко расстегнув куртку, вот уже второй раз за утро показал кобуру. – А если узнаю, что ты продолжаешь распускать руки, отстрелю тебе яйца, понял? Ну так что? Деньги и яйца – хочешь их себе оставить?

Купюры, будто по волшебству, исчезли, говоря о том, что их новый владелец желал оставить себе всё.

Мужчина явил мрачную улыбку:

– Что мелкий говнюк наплел?

– Кто живет на Сиренах Амая? – спросил в ответ Назар.

Краснота с лица мужчины схлынула. Казалось, под его кожей завелось нечто такое, что всасывало и растворяло цвет.

– Кто живет... Там обитают уроды. В смысле настоящие, а не какие-то придурки. Хотя, может, и это тоже. Приплывают только по ночам. Наверное, стыдятся себя. Ну, своих рож и тел. Как по мне, стыдиться нечего, ежели на раздаче достался маленький член или горб.

Перед мысленным взором Назара возникла мертвая девушка. Он со стыдом подумал, что ее ноги, пожалуй, действительно уродливы. Да и от срезанных грудей в дрожь бросало. Размышляя над этим, оперуполномоченный закурил.

– Можно? – Мужчина взглядом показал на сигареты.

– На берегу нашли труп девушки. Некоторые раны – чуть ли не до костей. – Назар затянулся и убрал сигареты, оставив в глазах рыбака голодный блеск. – Знаешь про это что-нибудь?

– Нет.

– Что этим уродам от вас нужно?

– Ну, пенициллин там, обезболивающее, иногда одежда или туристическая мелочевка вроде непромокаемых спичек. Торгаши они, понимаешь? Расплачиваются украшениями, которые сами же и лепят из какого-то местного камня. Эту дрянь на рынке в Кемии с руками отрываю.

А вот это уже было интересно, и Назар подобрался.

– Откуда вы знаете, что им понадобится в следующий раз?

Мужчина вздохнул и зашагал обратно к дому. Бросил через плечо:

– Стой здесь.

Саркастично кивнув, Назар двинулся следом. Когда до влажного заборчика осталось не больше пяти метров, со двора донесся хриплый лай, и оперуполномоченному волей-неволей пришлось замереть. Судя по голосу, где-то на цепи прыгала настоящая зверюга.

Едва Назар распрощался с окурком, как из дверей, пригнувшись, вышел рыбак. Протянул руку. На ладони, насквозь провонявшей рыбой, лежал пожелтевший, смятый листок блокнота. В центре бумаги покоилась бусина – черная и пористая. Размерами она чуть не дотягивала до ногтя большого пальца мужчины.

Назар взял бумагу и шарик, перевел недоумевающий взгляд на рыбака.

– Что это?

– Твои покупки, полицейский. Люди с острова всегда оставляют список – чтобы мы наперед знали, что им потребуется.

Вглядевшись в водянистые глаза мужчины, Назар увидел в них страх. Рыбак боялся. И не того, что его лишат странного заработка, нет. Этот страх был сродни тому, что испытывает человек, который не способен самостоятельно остановить нечто для себя неприятное. Вроде удаления желчного пузыря или падающего лезвия гильотины.

– И когда они планируют вас проведать? – поинтересовался Назар.

– Мы не знаем. Никто не знает. Как только мы собираем необходимое, они приходят. Просто заявляются посреди ночи и забирают свое. Так это и бывает.

Повторив себе под нос «так это и бывает» еще раз, рыбак обогнул угол дома и отправился в глубь грязного двора. Лай зверюги стих, сменившись поскуливанием.

– Эй, купи пацану чего-нибудь! – крикнул Назар, особо и не рассчитывая, что его услышат.

Колени отказывались гнуться от холода, и оперуполномоченный, выйдя на разбитую дорогу, тянущуюся вдоль деревенских домов, достал смартфон. Небо прямо на глазах беременело чернотой. Вот-вот пойдет дождь. Море тревожно рокотало.

Назар взмолился про себя, чтобы по Красной Нерке всё еще кто-нибудь бродил. Тогда бы его без проблем доставили к прекрасному трупу – холодному олицетворению этого утра. Ковылять второй раз по берегу было выше всяческих сил.

Но перед тем как обзванивать тех, кого могли бросить на это дело, Назар спрятал шарик в куртку и развернул бумажку. Брови оперуполномоченного поползли вверх.

Список был чертовски странным.

6 Экотаон и камни

Земляная шелуха камня неожиданно поддалась, и пальцы Марьятты вонзились в твердое. Безымянный на правой руке обожгло болью. Ноготь, прореженный белыми серпиками, отошел от фаланги и теперь напоминал окровавленное надкрылье насекомого.

Марьятта плюхнулась на землю и уперлась в нее коленями. Надвинула кепку-шестиклинку на глаза, но едва ли в том было что-то заливчатское. Обхватила здоровой рукой камень и принялась выкручивать его из земли. Плуг, который она же полчаса назад и тащила, пока сади вышагивал Юсси, нередко поднимал камни из земли только наполовину.

– Проклятый камень, – пробормотала Марьятта. – Пусть будут прокляты твои дети и твоя холодная жена.

– Хорошо сказано.

Марьятта обернулась, хоть и боялась, что ее слёзы заметят. Слёзы приравнялись к предательству: плачешь – значит недоволен. Вот почему шестиклинка была сдвинута почти к самой переносице. Девушка встретилась взглядом с Юсси. Парень вынимал из земли камень вдвое больше, чем тот, с которым пыталась совладать Марьятта.

Мгновением позже камень с грохотом ударился о дно помятой тачки, а сам Юсси распрямился. Ветер шевелил белые волоски на его предплечьях.

«Сильный, высокий, *настоящий*», – пронеслось в голове Марьятты.

Стоило ей так подумать, как в груди заелозила боль. Перед глазами возникли образы двух зеленых холмов, которые уже через миг вспыхнули ярким, хохочущем пламенем.

«Пожалуйста, не надо. Я не хочу этого больше вспоминать... пожалуйста...»

Сипя от боли, Марьятта осторожно налегла на камень. Тот немного сдвинулся под ее весом, и она, шмыгнув носом, улыбнулась. Взглянула вперед, пытаясь оценить, сколько еще осталось.

Она и другие мужчины – настоящие и *такие, как она*, – трудились на лесном поле. Само поле представляло собой прерывистые полосы, разделенные в хаотичном порядке соснами. Находясь в тени хвойных великанов, труженики вспахивали и очищали участки земли длиной в тысячу метров. Тайга скрывала и кормила общину.

Саргул иногда посылал неподвижных белых птиц, чтобы найти их, и тогда Амай, в отместку, заставлял деревья расти пуще прежнего. Так облачный демон и подземный бог состязались в давней и бесконечной игре, известной человеку с древности. Они играли в прятки. Но вот беда – никто не мог с уверенностью сказать, кто кого искал.

Наконец Марьятте удалось совладать с камнем, и она зашвырнула его в тачку. Каждую весну остров выталкивал из себя вот такие подарочки, и внятных объяснений тому не было. Поле обрабатывали каждый год, полностью очищая его от каменюк, но земля бунтовала и злилась, порождая всё новые и новые глыбы. Говорили, что таким образом Амай дает шанс показать силу, но Марьятта в это не верила. Она была убеждена, что у этих капризов имелось *настоящее* объяснение, не связанное с чьей-то сверхъестественной жестокостью.

– Экотаон, ты кровоточишь, – внезапно сказал Юсси.

Марьятта опустила глаза и обнаружила на своей желтой сорочке пятна крови. Крошечные, будто слёзы. В тех самых местах. Тело опять рыдало, вспоминая о сгоревших зеленых холмах, что, конечно же, никогда не были холмами и тем более зелеными.

– Мое имя Марьятта, – чуть ли не жалобно напомнила она.

– Это имя женщины, – Юсси пожал плечами, – а ты уже не она. Красный Амай решил, что ты – мужчина. Так что либо мужское имя, либо экотаон, сама знаешь.

Экотаон.

Это слово обозначало мужчину, который по ошибке родился женщиной. Вот так. По чьей-то ошибке человек родился не тем, кем следовало. Разум Марьятты охватили черные вспышки ненависти и страха. Экотаон. Да, теперь она тоже экотаон – изгой; обрезанный промежуток между мужчиной и женщиной.

Марьятта опять взглянула на Юсси. Тот, задрав голову, следил, как за ветвями сосен солнце захлебывается в чернеющих облаках.

– Там дождь, – неопределенно протянул он и вернулся к работе. Очередной камень, обсыпанный землей, ощутил на себе силу его рук.

– Почему? – тихо спросила Марьятта.

– Ты что-то сказал, экотаон?

– Ничего, просто с камнем ругаюсь.

– Всыпь этой заразе по первое число. – Юсси поплевал на ладони и закричал, поднимая камень.

«Ты ведь тоже не идеален, Юсси, разве не знаешь?» – подумала Марьятта.

Красный Амай обожал, когда люди рождались непохожими друг на друга. Поэтому Юсси был награжден кривым позвоночником, проглядывавшим на спине плохо выложенным узором из камешков, и сильными руками, а Марьятта – ногами с птичьими ступнями, как и бедняжка Аннели.

Какое-то время ей мнилось, что они – половинки разломанного дерева. Соедини такие – и образуется нечто целое, волшебное, лучшее, из чего возникнет счастливый поющий лес.

Но воссоединения не произошло. Никакого. Совсем.

Когда Марьятте исполнилось тринадцать, ее впервые отвели в Яму Ягнения. Три дня ей полагалось улаживать мужчин. Это время она провела в полнейшем одиночестве. Так было и в последующие семь раз. Почти два года Марьятта ждала, но никто так и не возжелал плачущую в колодце девочку.

Не пришел даже Юсси, когда ему исполнилось пятнадцать. В этом возрасте он мог наравне с другими мужчинами наслаждаться женщинами. Возможно, Юсси попросту не хотел видеть лицо той, что временами смотрела на него чересчур уж внимательно и нежно. Марьятта понимала это... и не могла простить.

Теперь она была той – или *тем*, — кому Красный Амай поручил бремя мужчин: пахоту, расчистку поля от камней, добычу угля и прочее.

За этот тяжелый труд мужчины имели право на безграничную любовь женщин. Но Марьятта по понятным причинам была лишена подобной примитивной радости. Зато она по полной наслаждалась ссадинами, синяками и болями в спине и суставах. А еще внутри нее зрело облако чего-то вязкого, обшитого колючками. Вероятно, Аннели переполняло схожее чувство бессильного гнева.

Воспоминание об этой жертве мужского равнодушия переполнило Марьятту горечью.

К Аннели тоже не сошел ни один мужчина, и в январе ее объявили экотаоном. Когда Вирпи в своем сарайчике ужасов с ней закончила, Аннели еще два дня не могла встать с постели и ходила под себя кровью. В этом плане ее судьба не отличалась от судьбы Марьятты. За той лишь разницей, что позавчера Аннели поймали, когда она пыталась покинуть остров, а на следующий день заставили харкать кровью и вопить от боли.

И всё во славу Красного Амая.

Неожиданно Марьятта осознала, что просто стоит и смотрит на землю. Она торопливо огляделась и наклонилась к очередному камню, надеясь, что никто не заметил ее оплошности.

В северной части острова завывала далекая зубастая шахта.

Так Амай благословлял проклятую жизнь Марьятты.

7 Загадки секционной

1

Поставленный баритон Бориса Харинова пробирал до мурашек, и особенно хорошо это получалось, когда он, голос, звучал в западной секционной городского морга Кеми. Вот как сейчас.

В узкие окошки, расположенные почти под самым потолком, лился мутный дневной свет, бросая вызов металлогенной медицинской лампе. За отдельным столиком сидел патлатый парень, выполнявший роль регистратора: то есть со скучающим видом заносил всё, что говорил Харинов, в протокол вскрытия. Симо, занявший стул на колесиках в другом углу помещения, с непроницаемым выражением на лице следил за ходом аутопсии.

Мертвая девушка, покоившаяся на секционном столе, выглядела зеленоватым экспонатом некоего чудовищного показа. Харинов уже извлек из ее ран фрагменты черного минерала, природу которого еще только предстояло выяснить. Складывалось впечатление, что неизвестная перед смертью побывала в огромной барабанной сушилке с зубами. И мотало ее там до тех пор, пока зубы этой самой сушилки не обломались.

– Продолжаем внешний осмотр, – произнес Харинов. Потирая пальцы, он переместился к изножью секционного стола. Заскрипели галоши. В правой руке возник нож, отдаленно напоминавший хищную версию столового. – Налицо проведенная вагинэктомия. Оставлен канал для отвода менструальных выделений. Следовательно, матка и яичники не удалены. Ну что ж, вызов принят.

Патологоанатом склонился к паховой области девушки и, подняв локоть, принялся аккуратно водить там ножом. Симо отвернулся. Никакой брезгливости или отвращения. Но зачем на такое вообще смотреть, верно?

В морге было чертовски холодно, гораздо холоднее, чем снаружи. Настоящая морозильная камера, куда теплокровным вход строго воспрещен. Возможно, это игра воображения и никакой холодрыги на самом деле не было. Да, признал Симо, озноб вызывало существо, имевшее лаконичное лицо девушки, обезображенное тело жертвы автокатастрофы и птичьи лапы.

И этому самому существу между ног заглядывал пятидесятилетний патологоанатом с паршивым чувством юмора.

Симо взял в руки цветные снимки, часть которых была сделана Линой еще на берегу, а часть – здесь же, в морге. Благо струйный принтер, чтобы их распечатать, нашелся в административной комнатухе. Следователя интересовали руки и бедра девушки. Точнее, то, что на них оставил неизвестный. Слова. Четкие и читаемые, покуда их не обрывали раны.

Глаза Симо остановились на одном из снимков. «*Я испрашиваю суть его Золотого Правила и хочу знать...*» – пыталась сообщить левая нога трупа, а потом всё пропало в бескровной яме, на дне которой остро поблескивала кость.

«Что ты хочешь знать? Кто ты? К кому обращаешься?» – Симо перевел взгляд в никуда. – Какая странная фраза». Он ощущал себя зомбированным посетителем ярмарки, на которой, судя по всему, обещали все блага Ада и Рая. В голове сформировался образ зазывалы, который, накручивая усики, вопил: «Заходи к нам, мальчик, и мы расскажем, чем занимаются твои родители под одеялом! Попробуй – и тоже попадешь на постельные небеса!»

– Предположение о том, что матка и яичники на месте, абсолютно верно, – подытожил Харинов, и парень-скучающий-регистратор записал это. – Как дела у Щуровой? Симо? Эй?

Симо вскинул голову, сообразив, что по какой-то причине искал ответы на чистом линолеуме секционной.

– Она в порядке. Всё такая же безрадостная, как воды Белого моря.

– Как думаешь, мне пригласить ее на свидание?

На мгновение их взгляды встретились. Симо считал, что высокий и худой Харинов – такой же пришелец с Луны, как и молчаливая женщина-криминалист. Так почему бы этим двоим не образовать союз лунных пигмеев?

– Попробуй.

«Только, умоляю тебя, не шути при ней», – добавил Симо одними глазами.

Безмолвная подсказка не достигла цели, и Харинов, воодушевившись, вернулся к вскрытию. На его желтоватом лице с ввалившимися щеками заиграл непривычный румянец.

– Срезанные груди и вагинэктомия говорят о попытке смены пола. Успешной на... ну, пусть этак процентов на пятьдесят. И на все сто – насильственной. – Харинов пригляделся к ранам на груди девушки и опустил взгляд ниже. – Грубая ампутация молочных желёз и крайне аккуратная работа с вульвой трупа. Не исключено, что к моменту проведения вагинэктомии девушка смирилась с происходящим и позволила неизвестному завершить работу с должной тщательностью.

– Или же она была без сознания, – с угрюмостью в голосе подсказал Симо.

– Или же она начала получать удовольствие, – возразил Харинов и хохотнул, сообразив, что взобрался на очередную вершину цинизма.

Видя, как Харинов, поигрывая ножиком, выполняет разрез на груди трупа, Симо ощутил, как губы попытались сжать фильтр несуществующей сигареты. Он сунул руку в карман пальто, чтобы достать «Никоретте», но сразу отказался от этой идеи. Ему не хотелось что-либо жевать в морге, даже заменитель никотина. Раздался хруст вскрываемой грудной клетки, и желание закурить переросло в нестерпимое жжение, застрявшее где-то в глотке.

Пытаясь отвлечься, Симо взялся за смятый клочок бумажки и бусину, которые Назар получил в качестве награды за марафон на берегу. Конечно, эти вещицы следовало передать в лабораторию, но сейчас это не имело значения, поскольку бумага и бусина уже побывали в руках уймы людей. Так что изначальные отпечатки пальцев, если они и имелись, к этому моменту были безнадежно заляпаны или стерты.

Он еще раз углубился в изучение списка. Снова отметил, что буквы выведены чересчур усердно – не так рублено, как на трупе. Так обычно пишут дети, еще не зная, что вскоре жизнь потребует от них не красоты, а скорости.

Неизвестным с острова Сирены Амая требовались, казалось бы, несочетаемые вещи:

«Прорезиненные сапоги (размеры 40 и 42) – 5 пар.

Витамины для беременных – 20 шт.

Семена картофеля "Лакомка" – 30 шт.

Семена свеклы "Пиковая дама" – 25 шт.

Семена моркови "Рубиновая" – 30 шт.

Семена капусты "Белорусская" – 40 шт.

Тонкогубцы – 1 шт.

Портновские кусачки – 1 шт.

Сборочный коврик – 3 шт.

Кримпер – 1 шт.

Застежки для бижутерии – 60 шт.

"Супрастин" – 30 шт.

"Хлоропирамин" – 30 шт.

"Спазмалгон" – 50 шт.

"Кеторол" – 70 шт.

"Найз" – 40 шт.

"Чёрная книга" (Холокост) – 1 шт.»

Симо нахмурился. Понятное дело, речь шла об упаковках, а не о тридцати семечках, из которых вырастут тридцать морковок, и не о тридцати таблетках от аллергии. И рыбакам удава-

лось без лишнего шума доставать столько лекарств? Харинов тоже видел список и однозначно указал, что подобного рода обезболивающие назначаются при болевых синдромах, характерных для воспаления связок и дьявольских сращиваний.

«Дьявольское сращивание». Симо тогда впечатлило это словосочетание, хотя ничего конкретного, кроме язвительного обозначения процесса заживления, оно в себе не несло.

Однако это не помешало разуму сотворить образ темных фигур, будто сошедших со страниц творчества Лавкрафта. И дикие, немыслимые существа, в которых едва угадывались человеческие очертания, скользили сквозь морскую темень на лодках. Они со всей космической неумолимостью плыли к берегу, чтобы забрать свои средства от аллергии и пять пар прорезиненных сапог сорокового и сорок второго размеров.

Но для чего им могла понадобиться книга об ужасах холокоста?

В мысли следователя ворвался приятный баритон Харинова.

– Симо, пам-парам, результат. Наша девочка захлебнулась. Впрочем, это ничего не меняет: через минуту-другую она умерла бы от кровопотери. В воде пробыла не больше суток. Посмотри-ка сюда.

Симо без особого желания поднялся со стула и подошел к секционному столу. Неизвестная напоминала экзотический цветок – влажный, смердящий и вывернутый наизнанку.

– Обрати внимание на эпидермис ладоней и подошв. Симо, это «рука прачки», – сказал Харинов так, будто знакомил между собой гостей банкета. – Эпидермис бело-серый, набухший. Пробудь она в воде чуть больше, и мы увидели бы формирование «перчаток смерти».

– Как это? – спросил Симо и тут же пожалел.

Широко улыбаясь, Харинов произнес:

– Это когда кожа слезает, будто перчатки. Или носки.

Парень, выполнявший роль технического регистратора, вздохнул. Харинов расхохотался и попытался толкнуть следователя кулаком в плечо, чтобы тот оценил шутку, но вовремя вспомнил о перепачканных перчатках.

– Кстати, что любит Лина? – поинтересовался Харинов.

Симо ошарашенным взглядом окинул его с головы до ног, удивленный столь быстрой сменой темы. «Безнадежно», – наконец подумал он и направился на свое место.

– Расскажи ей про эти «руки прачки».

– Ты шутишь? Она же это знает.

Харинов сказал что-то еще, но Симо не стал слушать. Он пытался увязать мертвую девушку и остров, на котором, если верить слухам, никого не было... кроме мрачных фигур из воображения, нуждавшихся в предметах из списка.

– Только не уходи, Симо, – сказал Харинов и широко улыбнулся. – Мы еще не заглянули в желудок и кишечник нашей девочке. Любопытно, она откапывала этими лапками червяков? Знаешь, как называется подобное отклонение в развитии плода?

– Нет, – с усталостью отозвался Симо.

– Эктродактилия! Ду-да! Ду-да!

Вид запевшего Харинова окончательно привел Симо в смятение. К счастью, в этот момент в секционную вошел Назар.

2

Заметив, что грудная клетка девушки раскрыта, оперуполномоченный поморщился. Затем сунул озябшие руки под свет настольной лампы, в котором Симо не так давно изучал фотографии и список.

– Узнал что-нибудь, Назар?

– Как сказать. Сирены Амая – самый обыкновенный клочок земли, поросший тайгой. Береговая охрана сообщила, что с воздуха ничего не видно, вертолету сесть негде, а пристать к острову можно только со стороны моря. Кругом крошево из скал.

– То есть девушек там нет? – встрял Харинов. Он как раз выкладывал извлеченный розовато-белесый мешочек, бывший желудком, на эмалированный поднос. Мерзко шлепнуло.

– Каких еще девушек? – не понял Назар.

– Как вот эта. Сирен. Остров же называется Сирены Амая, так?

Все опять посмотрели на труп, даже парень-регистратор обернулся. Взгляды остановились на отгалкивающих лапах. При их виде не содрогнулся только патологоанатом.

– Из ума выжил, Борь? Я бы скорее поверил в настоящие сирены, чем в певучих девок. – Назар вынул из куртки смартфон и открыл заметки, отыскал последнюю. – Так. Вот. В двадцатых годах некий Тарой Кеттунен из Корпуса военных топографов посетил со своей группой скопление мелких островов Белого моря – от Кандалакшского залива до Онежской губы. Он финн, я прав, Симо?

– Да, Назар, господи, он финн. Давай дальше.

– А дальше, собственно, ничего и нет. Этот финн стогнал на остров, заявил, что тот непригоден для чего бы то ни было, а после группа и сам Тарой, включая их семьи, бесследно исчезли. Может, есть что-то еще, но я так глубоко уже не рыл.

Симо нахмурился. Исчезновение военного топографа казалось важным, но сейчас это больше напоминало ответ, для которого не находилось вопроса.

– А у меня для вас подарок, – неожиданно заявил Харинов. В его голосе чувствовалась задумчивость. – Прошу ко мне. – Заметив, что парень-регистратор тоже начал подниматься со стула, он добавил: – К тебе это не относится, Рома. Веди летопись.

Парень без особого сожаления плюхнулся обратно на стул.

Симо и Назар подошли к патологоанатому и увидели, что тот орудует пинцетом во вскрытом желудке, вынимая предметы, похожие на бусины. С каждой из них Харинов брал соскоб с помощью ватной палочки. После этого палочки отправлялись в индивидуальные пакетики, а бусины – в широкую литровую банку с дистиллированной водой. Распространяя вокруг себя красную вуаль, они стучались о дно банки и медленно подпрыгивали.

– Вот чёрт. – Симо торопливо вынул из кармана пальто бусину, «купленную» Назаром у рыбака. Сравнил с танцевавшими в банке и пришел к выводу, что они вполне могли болтаться на одной нити. – Борь, можно одну?

– Хоть все. Секунду. – Харинов хорошенько перемешал пинцетом воду, затем достал первую попавшуюся бусину и положил на свободный медицинский лоток. Подал следователю латексную перчатку. – Я вот о чём думаю. Мышцы нашей девочки перед смертью были... как бы это сказать... вроде как обесточены неким спазмом.

– Спазмы как от удара током, что ли? – спросил Назар, не сводя глаз с Симо, натягивавшего в этот момент перчатку.

– Больше похоже на легкий паралич, вызванный действием яда. И яд, даю голову на отсечение, вот на этих крошках.

Все воззрились на бусины, а потом перевели взгляды на ту, что задержалась в руке побледневшего следователя.

– Нет-нет, эта абсолютно чиста, – поспешно заверил всех Харинов.

Симо убрал бусину в карман и уставился на улов из желудка мертвеца, не решаясь его коснуться.

– Неизвестную парализовали *ими*?

– Не знаю, не знаю, я могу и ошибаться. Нужна отдельная экспертиза. Но одно точно: внутри желудка – ожоги. Проглоти такую дрянь – и тебе конец, если ты, конечно, не съел перед

этим тухлую рыбу и беляш, поданные на обувной стельке. Спасение через рвоту, господа. Или чик-чик – зовите хирурга.

Симо очень внимательно выслушал патологоанатома, потом осторожно взял бусину с медицинского лотка и поднес к глазам. На покато́й поверхности была выточена буква «Ш».

– А остальные? – быстро спросил он. – Что там?

Когда все бусины переключались на поднос, выяснилось, что их одиннадцать и на каждой – буква. Итого получалось: две «Ш», две «М», две «А» и по одной «Х», «Р», «Ф», «Е», «О». Мужчины сгрудились у подноса. Ни о чём конкретно не думая, Симо принялся переставлять бусины, пытаясь собрать слово. Но ничего не получалось, орешек анаграммы не давал себя раскусить. Выходили всякие «фарш», «хром», «хер» – и больше ничего путного.

– Как я понимаю, мы посетим Сирены Амая, да? – Назар опять достал смартфон и сделал несколько снимков бусин.

– Несомненно, – отозвался Симо. Он всё ещё переставлял бусины местами. На этот раз ему повезло чуть больше, и получилась «ферма». – Но сперва нам потребуется помощь религиоведа.

Харинов, следивший за перемещением бусин с вялым интересом, встрепенулся.

– А позвоните в Управление образования, – предложил он. – Преподавание – обычный исход для растяп с дипломом религиоведа или философа. Никакой практической ценности, доложу вам.

– Да, хорошая идея. Спасибо, Борь. – Симо наконец-то оставил бусины в покое, пожирая их взглядом.

К нему наклонился Назар:

– А я выяснил, для чего нужны тонкогубцы и кримпер. Ну, то барахло из списка.

– Для создания украшений?

– Дерьмо, мог бы и не стараться. Кстати, не займешь пару тысяч?

Симо против воли улыбнулся. В животе у него всё то замирало, то резко пускалось в пляс, будто он катался на американских горках. И на литр восторга приходилось несколько ведер ужаса.

Это дело грозило стать самым громким в его карьере.

8 Специалист

Взгляд Регины Ошуковой был переполнен яростью и негодованием. И ярость та потряхивала вторым подбородком и покачивала серебряными сережками в ушах, изредка впиваясь ногтями в подлокотники кресла. Словом, начальница учебно-методического отдела выглядела взвинченной.

Иногда она бросала взгляды на мозаичного Иисуса, висевшего на стене среди всяких дипломов, и буквально читала по его красным губам: «Успокойся, Регина. Когда-нибудь и она поймет». Эти увещевания подхватывал Иисус поменьше, глиняный истуканчик за клавиатурой. Он разводил свои крохотные ручки и добавлял: «Ну что же ты, Регина? Просто раскрой пошире пасть и проглоти эту вертлявую дурочку. А потом мы послушаем какой-нибудь церковный хор и бахнем по стаканчику. Что скажешь?»

Ева не сводила глаз со своей начальницы и примерно представляла, как крутятся колесики в этой русоволосой головке. Скрип-скрип-аминь. Скрип-скрип-аминь. И так – до вселенской бесконечности, в которой есть только один Бог и имя ему... Ну, вы поняли. А если не поняли – оглянитесь и непременно отыщете еще парочку Иисусов.

Когда Ева устраивалась на работу в Управление образования, а было это три года назад, ее как бы невзначай предупредили: начальница наша слегка того, повернута на религии. Сердце девушки в тот момент чуть не расколосось от восторга. Ну а как же! Направлять ее будет человек, разделяющий те же ценности, что и она!

Только ценности, как оказалось, были совершенно разными.

Ева верила в религию как в комплекс представлений о сверхъестественных силах, коим поклоняются люди. И это, надо отметить, полностью соответствовало квалификации «религиовед». Регина тоже была квалифицированным религиоведом и тоже верила в сверхъестественную силу – только сила эта, по ее мнению, была единственной в своем роде.

Словом, был, есть и будет только Иисус. Аминь. Остальным религиям предлагалось выкутить и разойтись по домам.

Эти фундаментальные расхождения и легли в основу противостояния, впервые давшего о себе знать прошлым апрелем, когда Ева подала заявку на организацию курса «Введение в религиоведение» для населения Кеми. Ничего особенного. Но Иисус бы так не сказал, и Регина верила ему.

Находясь в логове самой крепкой фанатки Сына Божьего, Ева признавала, что сегодня у Ошуковой, пожалуй, были причины злиться.

Едва часы показали десять утра, как Ева подала на имя Андрея Моисеенко, главы управления, такое же прошение, которое в прошлом году огорошило Регину. Бумажка совершила оборот в бюрократической машине и вернулась к ним в отдел, содержа жизнеутверждающую пометку: «Доложить по существу».

И докладывать, судя по всему, как казалось Еве, собирался сам Иисус.

Потому-то в темно-изумрудном кабинете, в половине третьего пополудни, и перетягивали незримый канат две женщины. Девушка, которой в январе исполнилось двадцать четыре, дышала спокойно, хоть и чуть взволнованно. Та, которой давно перевалило за пятьдесят, казалось, не дышала совсем.

– Я не буду извиняться, – наконец выдохнула Ева. – Наверное, не стоило подавать прошение в обход вас. Но какой у меня был выбор?

Уголки губ Регины опустились.

– И что с того? Как будто до тебя никто не пытался меня перешагнуть. Иисуса тоже пытались. И где они? Все поголовно в аду!

«Сумасшедшая ты стерва, я же пытаюсь помочь людям!» – чуть не ляпнула Ева, но вовремя прикусила язык. Нет, для оскорблений еще не время. Если на то пошло, для оскорблений вообще не должно быть даты календаря или стрелок часов.

– Я тебя уволю, Ивкова, – проворковала Регина. – Сейчас ли, завтра, через год – без разницы. Я даже буду поздравлять тебя с праздниками. И каждый раз, когда мне придется это делать, я буду приставлять к твоему лбу маленький невидимый гвоздик. И будь уверена, Иисус вобьет каждый со всей мощи!

Угроза была довольно странной, и Ева растерялась, не зная, как реагировать. По сути, ей пригрозили Иисусом, а это, согласитесь, кого угодно вгонит в ступор. Затем в ее груди вспыхнула злость, и неуверенность испарилась. Похоже, в календарике всё-таки нашлось окошко для маленького оскорбления.

– Ты непроходимо тупа для такой работы, Регина! – выпалила она. – Тупа как пробка! На улицах полно тех, кто не знает, во что верить. Можно не верить в государство или в собственных родителей, но смысл в этом бардаке найти можно. Людям нужны ответы и выбор! – К собственному удивлению, Ева шипением процитировала четырнадцатую статью Конституции, хотя раньше и не замечала за собой тяги к закону: – «Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной!»! Хоть это тебе известно?

– Иисус, – Регина неторопливо поднялась, – любит тебя, дрянь. А еще он говорит, что есть только христианство, понимаешь? Всё остальное – дым, выжигающий глаза до слёз. Хватает и того, что правительство забивает этим головы детям. А здесь правительство...

– Кто? – перебила ее Ева. Она тоже вскочила. Поняла, что готова вцепиться этой жабе в волосы. – Неужели Иисус?

Неизвестно, к чему привел бы этот разговор, но его прервал телефонный звонок. Старенький аппарат с дисковым номеронабирателем задрезжал, разрываясь от вибрации.

Коснувшись трубки, Регина сделала глубокий вдох и нацепила улыбку, хотя ее никто не видел, кроме Евы и, разумеется, Иисуса. А Иисус, как известно, любит сервис.

– Управление образования. Чем можем быть полезны?

Трубка что-то забормотала, и Ева увидела, как ярость и негодование покинули лицо соперницы, будто вода ушла в песок. Прислушиваясь, Регина неосознанными движениями поправила клавиатуру и переставила стакан с ручками и карандашами. А потом глубины ее лица вытолкнули из себя нечто белёсое и отвратительное. По скулам, лбу и щекам разлилась молочная бледнота.

Встрешенный взгляд Регины вскинулся и уперся в Еву, отчего та смутилась и присела обратно в креслице для посетителей.

– Да, да, у нас найдется подходящий специалист. А это надолго? Да? Хорошо. Да, диктуйте адрес.

Завороженная необычными эмоциями начальницы, Ева вытянула шею. Регина в этот момент что-то быстро записывала на розовой бумажке для заметок. Наконец телефонная трубка со стуком вернулась на базу. Глаза Регины были на мокром месте.

– Только Иисус не боится крови, – пробормотала она извиняющимся тоном и протянула бумажку.

Ничего не понимая, Ева взяла розовый клочок и уставилась на него. Надпись, сделанная на скорую руку, гласила: «Городской морг, Энергетиков 16, НЕМЕДЛЕННО». И «НЕМЕДЛЕННО» было подчеркнуто два раза.

– Что это значит?

– Это значит, что Иисус ничего тебе не сделает. А еще ты получишь свой тарабарский курс. Но сперва придется помочь в расследовании убийства. И выложиться придется на все сто.

– Убийства? Как это? В смысле... *настоящего* убийства? – Ева ощутила, как желудок начал пихаться во все стороны. – Там что-то религиозное, да? Иначе с чего бы, ну... понадобились мы, правильно?

А потом случилось то, чего Ева никак не ожидала.

Броня Регины Ошуковой, этой несносной набожной особи, окончательно разлетелась на куски.

– Не всё ли равно, религиозное там дерьмо или нет?! – возопила она и, разрыдавшись, тяжело плюхнулась в кресло. – Иисус не боится крови, а я – боюсь! Разве тебе мало этого, дрянь? Мало?!

– Нет-нет, в самый раз, до горлышка, – торопливо кивнула Ева.

Она покинула кабинет. В голове была сумятица.

9 Разгадка

1

На улице бесновался промозглый ветер, но рассудок упрямо твердил, что в секционной еще холоднее. Да что там! Весь морг – обитель мороза, только и ждавшего, чтобы с похрустыванием пробежать по коже. А еще там повсюду лежали холмики с вечно белыми снегами-простынями, а прохаживались там лишь те, кто в этих самых холмиках копался.

Но отнюдь не эти фантазии вынудили Симо и Назара торчать на ступенях морга, укрывшись под козырьком центрального входа. Они ожидали прибытия специалиста-религиоведа, надеясь, что тот захватит с собой несколько ответов.

Назар грел руки о пластиковый стаканчик. Это была уже третья порция кофе, но тепла в теле так особо и не прибавилось. Оперуполномоченный по-прежнему напоминал музыканта, который слышал музыку, но не имел инструмента, чтобы ее сбавить и унять тремор. Симо же ограничился чаем из кафетерия.

Оба поглядывали на небо. Облака в западной части словно сгустились и застыли. Те, что находились прямо над головой, выдавливали из себя морось, порождавшую полчища мурашек. Апрель казался мертворожденным ребенком двадцать третьего года.

– Ты хоть раз сталкивался с подобной дикостью? – вдруг спросил Назар, шаря отсутствующим взглядом по дороге и проезжавшим машинам.

Симо не было нужды уточнять, о чём шла речь.

– С такой необъяснимой – только единожды, – отозвался он с сухой грустью. – В Леснереченске одна мамаша перебрала и решила, что неплохо бы разрезать трехлетнего сына на шесть частей. Бог знает почему именно на такое количество, но она справилась с задачей на отлично. Потом приколотила всё это к кухонной стене и спокойно села ужинать. Ела консервированного тунца. Полицию вызвала соседка. И еще несколько людей.

– Да, я слышал об этом. Большая сука.

– Больше некуда. Сказала, что голоса ангелов заставили ее так поступить. А еще спросила, почему тунец такой кислый.

Они помолчали, обмозговывая кривые закоулки человеческого разума.

– Банально, да? – усмехнулся Симо. – Но это была просто дура, сумасшедшая одиночка.

Назар взглянул на следователя:

– Думаешь, на Сиренах Амая завелась какая-то секта?

– Возможно. Как долго обитатели острова посещали Красную Нерку?

– Чёрт, знаешь, я как-то не догадался спросить.

Симо кивнул, словно именно такого ответа он и ожидал.

– Я думаю, не меньше полугода. Минимум. И еще столько же, а то и больше, могли торговать с каждой прибрежной деревней Карелии.

– Люди-призраки, ей-богу.

Оперуполномоченный выкинул пустой стаканчик из-под кофе, и одновременно с этим перед моргом остановилось такси. Из машины с растерянным видом вылезла девушка. Схватившись, она забрала сумочку с заднего сиденья и воззрилась на мужчин.

Симо всмотрелся в нее. На широком лице девушки колебалось нечто среднее между злостью и нерешительностью. Умная, но не зазнайка. Этакий женственный борец за идею. Очки в металлической оправе – дешевые, но вместе с тем элегантные. Каштановые волосы. Теплые прорезиненные сапожки с заправленными в них джинсами. Горчичного цвета парка и оранжевый свитер.

Назар окинул ее скептическим взглядом и отвернулся. Губы оперуполномоченного шевельнулись, произнеся тихое проклятье.

Симо сделал шаг вниз по ступеням и протянул руку.

– Вы из Управления образования?

– Да, всё верно. А вы?

Касание девушки, как и ожидалось, было мягким, но в то же время твердым, как взгляд одинокой матери. Симо ощутил расположение к ней.

– Симо Ильвес, следовательно, – отрекомендовался он. – Это Назар Евсеев.

– Тоже следовательно?

– Опер. – Уловив в глазах девушки непонимание, Назар с неохотой пояснил: – Оперуполномоченный, уголовный розыск.

– О, хорошо. – Девушка показала на себя рукой и, смутившись, сразу убрала ее. – Ева Ивкова.

– Вы тепло одеты, Ева, – сказал Симо с загадочной улыбкой. – Это хорошо.

– Почему?

– В морге холодно.

– Л-ладно.

Поманив девушку за собой, Симо подошел к тяжелой входной двери городского морга и распахнул ее.

– Не переживайте так. Вам нужно будет взглянуть на фотографии и кое-какие предметы. Лучше сделать это внутри.

– А труп?

– Только если вы будете к этому готовы.

Это полностью устроило Еву, и она заметно расслабилась.

2

Они зашагали унылыми зелеными коридорами, по которым витал костный душок, похожий на тот, что возникает, когда сверлят зуб. Ева спрятала нос в воротник свитера и постаралась не дышать.

В западной секционной их подждал Харинев. Патологоанатом избежался от клеенчатого фартука, перчаток и галош, в которых проводил вскрытие, и теперь сидел на месте парня-регистратора, изучая свежий выпуск «Спорт-экспресса». Увидев гостей, Харинев изобразил пальцами ключик и запер себе рот, после чего углубился в изучение спортивных новостей. Стол секционной был пуст: труп неизвестной коченел в одной из камер хранения.

– Присаживайтесь, Ева. – Симо показал на свободный стул, с которого час назад следил за вскрытием.

Девушка подчинилась, покорно ожидая продолжения. Назар поставил перед ней медицинский поднос, подвинув его под свет настольной лампы. По эмалированной поверхности прокатились одиннадцать черных бусин. Следом оперуполномоченный протянул девушке комплект латексных перчаток.

– Что это? – Ева подняла глаза на мужчин.

– Вы нам скажите. – Назар с раздражением упер руки в бока, но быстро передумал и обхватил себя, борясь с ознобом.

Пожав плечами, Ева надела перчатки и указательным пальчиком принялась перекачивать бусины, пытаясь собрать слово, как совсем недавно делал Симо. Не прошло и минуты, как она отказалась от этой затеи.

– А есть что-нибудь еще? – Ева опять посмотрела на мужчин. – Разуму нужен толчок. Хоть какой-то. Понимаете?

– Предупреждаю, Ева, это может вас шокировать, – сказал Симо.

– Я уже здесь. А это и без того шокирует, не находите?

Симо кивнул Назару, и тот положил к подносу пачку цветных фотографий. Ева ахнула и прикрыла рот ладошкой. Ее глаза при этом походили на две всходящие светло-карие луны. И луны, по мере выпитывания красок смерти, становились всё больше.

Внезапно в Еве произошла разительная перемена. Она вскочила, вцепившись в снимок левого бедра. Вырезанная на плоти надпись выжгла в ее памяти дорожку и, разбрасывая искры, вынула позабытое знание. И знание, надо признать, было донельзя неприятным и скользким.

– Господи боже! Господи! – Ева отбросила фотографию и принялась с лихорадочной поспешностью выстраивать бусины в ряд. Буквы с покорностью занимали положенные им места.

– Вы что-то узнали? Что это? – Симо ощутил, как возбуждение девушки передалось ему. – Ради бога, не молчите, Ева!

За спиной встревоженного Назара возник Харинов. Глаза патологоанатома неотрывно следили за руками девушки. Газетка смялась.

– Вот, – наконец сказала Ева и сдула прилипшую ко лбу челку.

Все склонились к подносу с бусинами, и Назар с запинками прочитал:

– «Шемхамфораш». – Бусина с буквой «Ф» сдвинулась, и он вернул ее на место зажималкой. – Шемхамфораш? Это что еще за белиберда?

Симо и Харинов посмотрели на Еву, ожидая объяснений, но просить об этом и не пришлось. Она схватила фотографию, которую взяла в руки первой, и продекларировала:

– «Я спрашиваю суть его Золотого Правила и хочу знать, зачем нужны его девять заповедей!» – Взяв другой снимок, с таким же неполным посланием, она чуть ли не выкрикнула: – «Я смотрю в стеклянный глаз твоего страшного Иеговы и тяну его за бороду; я воздымаю топор и вскрываю его изъеденный червями череп!»

– Вы знаете это наизусть? – с недоверием спросил Симо. Он взял снимки и убедился, что Ева безошибочно подставила недостающие буквы и слова на плохо читаемые места. Творчество неизвестного садиста стало еще тошнотворнее.

– Это цитаты из «Сатанинской библии». Она же «Черная библия». Написана американцем Антоном Лавеем в шестьдесят девятом.¹ А это, – Ева показала на бусины, – имя, восхваляющее семьдесят двух демонов.

– Иисусе, у меня сейчас голова к чертям взорвется, – пробормотал Назар.

Образ Регины, вставший на миг перед глазами Евы, возмущенно ахнул, услышав, как Иисуса поминают все. Мотнув головой, девушка сказала:

– В привычном смысле – в еврейском, если угодно, – Шемхамфораш означает «семидесяти-двукратное имя Бога». Но, согласно Лавее, это слово означает падших ангелов.

– Погодите-погодите. Одиннадцать букв на семьдесят два имени? – Харинов выглядел обескураженным не меньше остальных.

– И их описания можно найти в «Малом Ключе Соломона», – подтвердила Ева. Ее глаза искрились восторгом.

В висках возникла ноющая боль, и Симо помассировал их указательными пальцами.

– Ева, как думаете, этот Лавей мог недавно посетить наши края и наплодить здесь последователей?

– Нет. – Ева поморщилась, пытаясь кое-что припомнить. – Лавей умер в девяносто седьмом, оставив после себя тысячи осиротевших последователей. Но в сатанизме нет четких граней, поэтому могло быть и наоборот.

– Что вы имеете в виду?

---

¹ Это правда. В 1969 году некий Антон Шандор Лавей, основатель Церкви Сатаны, написал указанный труд, позиционируя его как настольную книгу сатаниста.

– Только то, что верховный жрец Церкви Сатаны в прошлом мог и сам прикинуть к истоку, если бы тот находился где-то здесь.

– Господи.

Симо присел на свободный стул, оперся локтями на столик и сцепил пальцы в замбк. Мысли были словно чужими. Казалось, принять верное решение попросту невозможно. «Сколько на чертовом острове может скрываться людей? Два человека? Десять? Может быть, все сто? – Он вспомнил про список. – Таблеток там на целую роту, это правда, а вот сапог всего пять пар. Всего-то? – И сам себе ответил: – Да, всего-то».

– Ладно, завтра мы наведаемся на Сирены Амая, – наконец промолвил Симо. – Думаю, обойдемся малыми силами.

– Без разведки больших и не дадут, – хмыкнул Назар.

– Что это за место? – Ева не сводила глаз со следователя.

– Остров, на который указывают кое-какие ниточки.

Сгустившееся молчание нарушило покашливание. Все посмотрели на Харинова.

– А скажите-ка мне, друзья: Лина войдет в состав группы? – как-то чересчур вежливо поинтересовался патологоанатом.

– Криминалист отправится с нами обязательно. – Симо уже догадывался, куда клонит прохвост. – Тело осматривала Щурова – вероятно, она и займет это место. А что такое, Борь? Амур жмет?

– Нет, конечно. Но запишите-ка и меня. Вам ведь понадобится медик, так? К тому же я ничего не боюсь.

– Ты не боишься трупов, кот Борис, – справедливо заметил Назар. – А тут живые люди. Совсем другое дело, да?

– Почему другое? – возразил Харинов, ничуть не обидевшись на «кота». – Все мы – трупы, разве нет? А если там будет такая же девочка, как эта, но полуживая? Какую помощь вы ей окажете?

– Ладно, медик нам действительно может пригодиться, – согласился Симо, и патологоанатом просиял.

Ева наблюдала за этим разговором с открытым ртом. Перед глазами опять возникла Регина. На сей раз начальница учебно-методического отдела хохотала и тыкала в Еву пальцем. «Что обскакали мы тебя с Иисусом? – визжала эта фантомная версия. – Ничего ты не добьешься, потому что есть только Он. Или хочешь выложиться на все сто, чтобы потом взгреть меня? Ну, попробуй, а мы с Иисусом полюбуемся».

– Я отправлюсь с вами, – твердо заявила Ева. – Буду помогать на Сиренах Амая.

– Я против, – быстро вставил Назар. Его опять знобило. – С ума сойти. А больше никто не желает? А, все молчат: мы же в морге.

– Ева, вы хоть понимаете, как могут быть опасны люди, сотворившие это? – Симо испытующе посмотрел на девушку.

– Вероятно, я единственная, кто *по-настоящему* понимает, насколько они опасны. А вы?

Симо взглянул на выложенное слово. Осталось только «ШЕМХАМ... ОРАШ», потому что буква «Ф» всё-таки откатилась. Да, без посторонней помощи они бы не узнали про семидесяти-какое-то-там имя и всё остальное. Только на Сиренах Амая вряд ли придется складывать буквы. И всё же...

– Ваши знания и впрямь могут быть полезными, Ева, но мне нужно это согласовать. Возможны трудности.

Но трудностей не возникло, и уже к семи вечера был утвержден состав группы, которой предстояло назавтра отправиться на Сирены Амая.

10 Запоздалое озарение

Марьятта с облегчением стянула сорочку, задубевшую от соли на спине и в области подмышек, и швырнула ее в ворох грязной одежды. Рубашка со следами крови затерялась среди остальных. Переживать об этом не стоило: одежда всё равно была общей, и вряд ли кто-нибудь расстроится, обнаружив на сорочке плохо отстиравшееся розовое пятнышко.

Рядом толкались полуголые мужчины – липкие и остро пахнущие, как сумасшедшие животные, которые весь день гнались за солнцем. И животные планировали смыть с себя заботы и камни поля. За окнами предбанника, разделенными переплетами на четыре части, набирал силу красный цвет, выкрашивая низкие домики общины в кровоточащие алтари гигантов.

Чей-то локоть задел Марьятту, и она едва не задохнулась. Боль, пронзившая круг рубцов там, где раньше находилась правая грудь, отдалась в глазах ослепительной белой вспышкой. Тяжелый труд стирал тело, будто свечку, так что сил оберегать рубцы почти не оставалось.

Первые мужчины уже заходили в Зал Омовения и исчезали в полумраке лоснящимися от пота фигурками, слепленными небрежной рукой. Промелькнул Юсси, и Марьятта опять задавалась вопросом, как ему, с изогнутыми позвонками, удастся держаться прямо. Под кожей парня словно обитала длинная суставчатая змея. Вытянись такая до конца, и голова Юсси болталась бы не на шее, а на тонком стебельке.

Немного помявшись, Марьятта отправилась вместе с остальными.

В Зале Омовения, представлявшем собой вытянутое полутемное помещение метров на сорок, плясали огоньки. Самые крупные блики света порождали три каменные печи, нагревавшие зал и пресную воду, подававшуюся по трубам с помощью ручных насосов из артезианской скважины за общиной. Огоньки поменьше принадлежали десяткам свечей, расставленных под матовыми стеклянными колпаками на полках.

В груди Марьятты похолодело, когда она наткнулась взглядом на статую Красного Амая, стоящую в центре Зала Омовения. Подземный бог, сотворенный из темного лавового камня, следил за своей паствой даже здесь.

Общими чертами Амай напоминал человека – две руки, две ноги, одна голова. Дальше наступал черед зловещих различий, призванных устрашать и покорять души. Перекрученные асимметричные рога. Козья морда. В области паха – натуралистичные penis и вульва; причем вульва находилась выше, словно нераскрытый вертикальный третий глаз.

Поговаривали, статую вытолкали из себя остров, как те камни на поле. Но кто верил в эту сказку на самом деле? Не Марьятта, это уж точно. А еще казалось, статую искушал кто-то крошечный и очень злобный. Плечи, плотный торс, даже рога – всё несло отпечаток чьих-то острых зубок. Это лишь закрепляло в сознании наблюдателя образ Красного Амая – жестокий, бритвенный и двойственный.

Пройдя около десяти метров в глубь зала, Марьятта беспомощно замерла, не зная, куда себя деть. Закон запрещал мыться самой, потому что «услладу и очищение приносили только чужие касания».

Помимо Марьятты, в общине были и другие экотаоны, признанные в разное время недоженщинами. Все они находились здесь, в Зале Омовения. Должны были. Они могли бы помочь друг другу. Девушка еще помнила прежние имена некоторых из них: Мария, Лотта, Элла, Аники. Но клубы пара мешали найти их, а шляться без дела было опасно.

– Я тебя помою, – раздался бодрый голос.

Юсси. Беззаботно улыбаясь, он держал в руках банную шайку с горячей водой и мочалкой, пускавшей мутные разводы. Марьятта едва не разрыдалась от облегчения. Раньше она

мылась с женщинами, будучи одной из них, но потом всё изменилось... всё так сильно изменилось.

Да, мужчины тоже ее мыли, как мыли себе подобного, но только потому, что Амай требовал чистоты даже от таких, как она. Но до того приходилось долго стоять, унижительно плясая в пол, ожидая, пока за нее хоть кто-нибудь примется.

– Спасибо, Юсси, – прошептала она.

– Красный Амай запрещает благодарности, – сурово сказал Юсси и улыбнулся, смягчая сказанное. – Не стесняйся, мой других, и чистота найдет твое тело.

«"Чистота" уже нашла мое тело, – с горечью подумала Марьятта. – Разве ты не видишь, Юсси? Я чиста настолько, насколько это возможно. И если быть собой означает быть грязной, то я желаю забиться в самый сальный уголок этого острова».

Клубы пара чуть схлынули, и на глаза попались Мария и Лотта. Экотаоны равнодушно отмывали двух грязных животных, не стесняясь касаться их пенисов. Но делали это скупыми движениями, будто отбывая ненавистную повинность. Впрочем, повинностью это и было.

Горячая вода полилась Марьятте на грудь, и она с наслаждением закрыла глаза. А когда открыла их, то заметила у второй печи Вирпи. Обладательница черных глаз следила за огнем. Ее главный атрибут, широкополая шляпка с лентами, остался где-то снаружи этой огромной бани. Рабочий сарафан, промокший от пота и влаги, обвис.

Но Вирпи была известна не только тем, что каждый третий день отвечала за работу каменных печей, или врачевала, или носила ту ненавистную шляпку. Вирпи исполняла волю Амая. Именно благодаря ее рукам женщины, отвергнутые мужским началом, становились в Иатриуме экотаонами. Срезались волосы, усекалась лишняя плоть, смыкалось естество.

При виде этого сосредоточенного чудовища, орудовавшего кочергой, в голове Марьятты зазвучал собственный крик, эхом пришедший из глубин памяти. Перед глазами возник образ пылавших холмов, не имевший ничего общего с реальностью или тем, что на самом деле происходило в том раздутом сарае, который полагалось величать Иатриумом.

«Я убью тебя, Вирпи. Разделаюсь с тобой твоими же инструментами. Как тебе это, а? А потом загляну в твою дырявую душу и посмеюсь. И буду хохотать, пока не лопну». Эти мысли доставили Марьятте неожиданное удовольствие. Мстить и угрожать обидчикам, прячась у себя в голове, было очень приятно.

Пусть и не сразу, но до Марьятты дошло, что Юсси остановился. По какой-то причине прекратил ее мыть. Она перевела на него вопрошающий взгляд и всё поняла.

Парень не сводил глаз с ее страшных ступней.

В груди Марьятты зародилось бездонное отчаяние. Ее ноги походили на ноги Аннели. «Уже мертвой Аннели», – напомнила она себе, только вряд ли это что-то меняло. Обе ее ступни не имели по несколько пальцев, отчего она прихрамывала. Оставшиеся большой палец и мизинец – оба здоровенные и длинные, росшие чуть ли не от самой пятки, – не позволяли нормально ходить.

Марьятта никогда не увязывала эту особенность с той неприязнью, которую вызывала у мужчин. Пребывая в Яме Ягнения, она всё ждала, когда спустится тот, кто признает в ней женщину. Но вот беда – снизу не было видно лиц тех, кто подходил к колодцу. Иначе она бы увидела ужас в их глазах.

Внезапно она всё поняла. Причина лежала на самой поверхности.

Страх общины перед Саргулом, облачным демоном, выливался в естественное недоверие к птицам. Живым или огромным стальным – не имело значения. Главное, женщины с птичьими ногами тоже внушали подлинный ужас. Слово Саргул таким образом пытался проникнуть в общину. Вот и ответ. Будь Марьятта поопытнее для своих пятнадцати лет, поняла бы это сразу.

– Оставь их, Юсси, я уже чистая, – бросила она, закусив от стыда нижнюю губу.

Парень замешкался, не зная, как лучше поступить.

Марьятта перевела взгляд на Марию и Лотту, продолжавших в поте лица мыть мужчин. Заметила чуть дальше хмурую Аники. У экотаонов были чистые и ясные лица, на удивление пропорциональные. Всё, что находилось выше бедер, тоже было по-своему прекрасно. Куда прекраснее, чем у остальных. Без изъянов. Естественнее.

Но вот ступни...

– Я здесь закончу, Юсси.

Из клубов пара вынырнула долговязая фигура. Старейшина. Антеро был единственным человеком в общине, который, как знала Марьятта, вообще не имел никаких уродств, столь угодных Красному Амаю. Седая мокрая борода. Редкие длинные волосы, облепившие голову и шею. Взгляд карих глаз, казавшихся порой мушиными, был одновременно недоверчивым и лукавым. Эти же глаза не меняли своего выражения, когда руки и рот отправляли жертв на смерть.

– Не волнуйся, Юсси, иди.

Парень с видимым облегчением поднялся, после чего поклонился старику и быстренько убежал.

«Юсси, стой! Не бросай меня!» – воззвала к нему Марьятта, боясь произнести это вслух. Чуть не заплакала от досады.

– Не вини Красного Амая, экотаон, не надо, – произнес Антеро.

Он опустился на корточки и безбоязненно погладил уродливые ступни девушки, вызвав у той по всему телу неприятную дрожь. Взял мочалку. Со стороны могло показаться, что старик пришел на помощь члену общины, оказавшемуся в затруднительном положении. Только Марьятта знала, что это не так. Духовник был куда опаснее, чем Вирпи.

– Амай – отец мой, а я – верная дочь его, – прошептала Марьятта.

Она боялась опустить глаза. Тот факт, что ее мыл сам Антеро, говорил о многом. Например, о том, что ей не доверяют и что место следующей жертвы вот-вот перестанет быть вакантным.

– Саргул лишь инструмент Красного Амая, как и мы лишь носители невежества, – промолвил Антеро в смирении столь же лживом, как и его улыбка. – Прости нас, экотаон. Но заруби себе на носу: только Амай никого не прощает.

Сказанное было одновременно предупреждением и угрозой, и Марьятта хорошо поняла это. Как и то, что может в любой момент обмочиться. Прямо на руки старику.

Антеро распрямился, оставив правую ногу девушки недомытой. В его взгляде бряцала карая сталь. От лукавosti или мягкой обманчивости не осталось и следа.

– А теперь, экотаон, ты помоешь меня.

– Конечно, старейшина Антеро, – просипела Марьятта. В горле у нее пересохло, хоть кругом и витала влага.

Едва не упав, девушка кинулась к ряду заготовленных банных шаек. Убедившись, что одна из них наполнена чистой водой, потащила ее обратно. Взбив в мочалке мыльную пену, Марьятта принялась омыwać жилистую шею Антеро. Ее руки тряслись.

Старик улыбался, повторяя оскал статуи их темного бога.

11 Экспертиза и яд

1

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА N 135/7

27 апреля 2023 года

Мне, Василию Николаевичу Трунько, поручено провести экспертизу по уголовному делу №1001-01.

В соответствии со ст. 199 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК России) руководителем Экспертно-криминалистической лаборатории г. Кемь мне разъяснены права и обязанности эксперта, предусмотренные ст. 57 УПК России. 27 апреля 2023 года предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения в соответствии со ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации.

На основании постановления Кемского межрайонного следственного отдела от 26 апреля 2023 года, вынесенного капитаном юстиции А. Ф. Геборевым, старшим экспертом В. Н. Трунько проведена криминалистическая экспертиза.

Время проведения экспертизы: с 10:05 по 15:22 (27 апреля 2023 года).

I. Описание поступивших на исследование объектов

На исследование поступили 11 (одиннадцать) основных объектов, находящихся в упаковочном материале с пузырьками. Каждый объект представляет собой сферическую бусину диаметром 1,2 сантиметра. Бусины – темно-черные, поверхность – пористая. Объекты содержат русскоязычные литеры (по одной на объект): «Х», «Р», «М», «М», «Ф», «А», «Е», «А», «Ш», «О», «Ш».

Дополнительно на исследование поступили 11 (одиннадцать) ватных палочек, находящихся в упаковочном материале без пузырьков.

II. Вопросы, поставленные перед экспертом

1. Каковы физические и химические свойства объектов?
2. Каково вероятное практическое применение объектов?

III. Исследовательская часть

Основные объекты были условно промаркированы от одного до одиннадцати, после чего была определена весовая форма каждого из них. Средний вес – 2-3 грамма. Далее, был взят соскоб с трех выбранных наугад объектов, а именно: с объектов №3 (литера «Ф»), №7 (литера «А») и №10 (литера «Ш»). Полученный соскоб был исследован с помощью Милихрома А-02. Вдобавок объекты исследовались на световом бинокулярном микроскопе Аксиоскоп.

Дополнительные объекты были также промаркированы от одного до одиннадцати и также исследованы с помощью вышеупомянутых приборов.

IV. Выводы эксперта

Основные объекты исследований представляют собой вулканические минералы, а именно: пемзу (маркеры №1, 2, 4, 6, 7, 9, 11), шлак (маркеры №3, 5, 8) и криолит (маркер №10). Объектам намеренно придана сферическая форма. Внешняя оболочка объектов (не более 0,1 сантиметра) имеет устойчивую пропитку из нейротоксина животного происхождения.

Дополнительные объекты исследований, в части ватного основания, содержат кровь (В (III) Rh-) и тот же нейротоксин животного происхождения, обнаруженный на основных объектах исследования.

Учитывая, что основные объекты были извлечены из тела неопознанной девушки, считаю необходимым отметить, что обнаруженный нейротоксин опасен для человека. Однако общее количество вещества на всех объектах не превышает сублетальную дозу. Это позволяет говорить о поражении исключительно нервно-мышечных синапсов. Следствие такого поражения – нарушение координации движений и слабый, условно преодолимый паралич.

Дополнительные объекты исследования представляют собой стерильные зонды-тампоны. Применяется в бытовой гигиене. Материал ватной основы – хлопок (100%). Материал палочки – полипропилен.

Также не имею возможности дать ответ на второй вопрос относительно основных объектов, поскольку это выходит за рамки моих специальных навыков и познаний.

Приложение: распечатка хроматограммы физико-химических свойств нейротоксина (2 листа).

2

Из книги «Сирены Амая: история шокирующего расследования», Ярослав Доргун, издательство «Черная Древесина», 2023 г., страница 106.

«27 апреля Василий Трунько дал вполне исчерпывающий ответ относительно того, что могло ожидать "Архипелаг" на Сиренах Амая. Попало ли заключение эксперта в нужные руки? Попало ли оно в них вовремя? Увы, нет и нет. Потому что этим же днем, 27 апреля, для следственно-оперативной группы "Архипелаг" всё закончилось.

Остается лишь гадать, сложилась бы судьба оперуполномоченного Назара Евсеева иначе, получи группа заключение эксперта до отплытия. Гадать и сожалеть.

Сам яд для "условно преодолимого паралича" не так уж и сложно раздобыть. Достаточно арендовать какую-нибудь посудину, выйти на ней в море, этак на глубину в 25 метров, и достать заготовленные снасти. Можно, конечно, сесть в лодку на веслах и позвать на помощь двух гребцов. Эту парочку, Гребибля и Гребубля, карелы любят особенно тепло.

Что бы вы ни выбрали – придется рыбачить. И, если вам повезет, вы поймаете этого засранца глубоко-красного цвета, благодаря которому "условно преодолимый паралич" так легко достигим.

В Карелии водится множество рыб, и самая опасная из них – морской окунь. Эта рыбка снабжена ядовитыми железами. Хотите узнать, откуда поступает маслице? Достаточно без перчаток схватить окуня за плавники, включая анальные, и под кожу войдут не только лучиколочки, но и белковый нейротоксин вместе со слизью. Особой опасности действительно нет, потому что ядовитые плавники в первую очередь предназначены для защиты от других хищных рыб. Но человек та еще рыба, верно?

Именно яд морского окуня использовался Детьми Амая при отравлении своих дьявольских ритуалов.

И Симо Ильвес стал его первой жертвой».

12 Вечер «Архипелага»

1

Текст был пошлым и наглым. «Поганым, не годящимся даже для чтения у кучки мусора на берегу», – как сказала бы его мать, будь она жива. Тертту Ильвес не была святой, которая могла вальсировать на поверхности воды, зато она прекрасно умела превращать улыбки на сцене в бокал хорошего вина. А еще она привила Симо загадочную страсть к водовороту эмоций, что частенько бушевал на лицах окружающих. Как говорится, театр – искусство отражать.²

Симо сидел в гостиной за компьютером и читал престранную книжицу. Он как раз оставался на главе «Потворство, но не принуждение», согласно которой считалось, что высшая стадия человеческого развития – осознание плоти. За окнами краснело небо, прощупывая гостиную багровыми лучами, но следователь не замечал, как вокруг сгущались жуткие краски.

Вообще, разыскать «Сатанинскую Библию» было непросто. Хотя бы потому, что в книжных магазинах такое не продавали. Достаточно было заглянуть в «Книжный берег» и «Дамдам бук», чтобы убедиться, что и в других местах ее не найти. Симо улыбнулся. Он увидел себя со стороны: как бы это выглядело, отыщи он бумажный вариант книги.

«Мне, будьте добры, вот ту книгу. Да-да, с рогатой тварью на обложке. Хочу в субботу устроить черную мессу. Только для своих, понимаете?»

Слава богу, интернет не знал таких проблем, и уже через сорок минут после того, как Симо вернулся домой, ему удалось раскопать электронную версию «Сатанинской Библии». Правда, за это пришлось выложить почти тысячу рублей. На главной странице сайта, украшенной красными сапожками и рогами, так и было написано: хочешь быть сатанистом – плати. И Симо заплатил, хотя быть кем-то еще, кроме себя, не собирался.

Следующий раздел книги ввел Симо в ступор, ибо там утверждалось, что сатанинский ритуал не подразумевает убийства ради *ублажения богов*. Но мертвая девушка, вопреки заявленному, явно *ублажала* некую сущность с помощью тех ритуальных штуквин. Или, по крайней мере, пыталась сделать это. Разумеется, против собственного желания.

Взяв блокнот, Симо быстро записал: «ЯЙЦО ИЛИ КУРИЦА?» Это не казалось особо важным, но кто знает? Верно одно из двух. Либо Лавей, автор «Сатанинской Библии», когда-то побывал на Сиренах Амая и, обретя знание, переработал и разжевал его для масс. Либо же некто с Сирен Амая питал чересчур нежные чувства к творению Лавея.

«А может, исток вообще где-то в другом месте? – Симо уронил голову на руки, затем отлепился от них и продолжил читать. – Кольца Сатурна вполне бы сгодились».

Также «Сатанинская Библия», сюрприз-сюрприз, не одобряла самоубийства, и Симо понял, что окончательно запутался. Он будто читал сокращенную и покореженную версию настоящей Библии. Ему не единожды приходилось просматривать главную иудейскую и христианскую книгу, но это происходило исключительно в гостях у навязчивой тетки Лены, да и то от большой скуки. И будь он проклят, если это сделало его хоть капельку лучше.

Курить хотелось всё сильнее. На языке словно возник кончик оголенного провода – кислый и ржавеющий.

Симо забросил в рот очередную жевательную подушечку, заменявшую сигарету, и с мрачным видом принялся довольствоваться этим самообманом. Услышал, как в замочную скважину входной двери вставили ключ. Появилось желание подурачиться, и Симо, взяв себя за подбородок указательным и большим пальцами правой руки, изобразил скучающего ценителя.

Вошла Лена.

² «Театр есть искусство отражать». Константин Станиславский.

Красивая и в чём-то неуловимо строгая, она внесла с собой в квартиру аромат театральной пудры. От двери открывался прекрасный вид на рабочее место Симо, и Лена рассмеялась, обнаружив супруга в такой позе. Овеянный закатом, он словно решал, что лучше – душа девственницы или килограмм чеснока.

– Ты никак решил к нам в театр податься, дорогой? Предлагаю начать с роли Сеньора Помидора.

Они расхохотались.

Наблюдая, как Лена разматывает шарф и снимает пуховик, Симо вдруг осознал, что она вот уже семнадцать лет играет на подмостках «Вельзевула». Как начала в двадцать два, так и продолжает. А потом грянет финал – и жизнь уже не исполнить на бис.

«Господи, а ведь дьявол в каждой частичке – названиях, поступках, внешности. Театр – и тот "Вельзевул", – с отрешенностью висельника подумал Симо, и улыбка сползла с его лица. – Даже малыши знают слово "чёрт". Боже, а когда же я впервые его сказал? Наверняка в тот самый момент, когда Гасанов баскетбольным мячом сломал мне мизинец в начальной школе. Надеюсь, я не употребил словечко похлеще».

Мысли о малышах-сквернословах и собственном детстве внезапно превратились в багор, который выудил из плесневого погреба давнее и подтхшее переживание.

Оценив степень его свежести, Симо запрятал переживание куда подальше. Это не та история, которую пересказываешь на пикниках или проговариваешь про себя в сотый раз. У них нет детей, но когда-нибудь они будут, верно? Они здоровы, и этого достаточно, чтобы стараться и дальше, разве нет?

Лена прошла в гостиную и по-хозяйски расположилась на коленях Симо. Пахло от нее чудесно, особенно в том полумраке, который образовывали ее локоны и изгиб шеи. Чувствовался душок какой-то старой и благородной одежды. Не иначе из театрального заглазника выудили какую-то особо древнюю вещь.

– Ты поужинал, мой Сеньор Помидор?

Симо выразительно потряс блистером с подушечками никотиновой жвачки.

– Набит удобрением под самую макушку.

– Знаешь, Симо, когда-нибудь они спасут тебе жизнь.

Вид Лены при этих словах был столь многозначительным, что Симо ей поверил. Прочувствовал, что называется, до самого подвала. Придерживая эту чудесную женщину за ягодицы, он поднялся и понес ее в спальню.

В этом возрасте для любви требовалось немного удобства.

2

Ударившись о столешницу, пластиковый пакет с рекламой местного бара повалился набок, и Назар зашипел. В тот момент он боялся услышать еще одно шипение – литра пива, пускающего газы через пластиковую пробку. Слава богу, бармен не схалтурил, когда завинчивал ее, и зелень, сыр и, собственно, пиво не пострадали.

Захотелось скинуть куртку, но Назар лишь поплотнее запахнул ее. Его всё еще знобило, а на носу и без того маячило кое-какое ледяное дельце.

Он подошел к холодильнику и отпер морозильную камеру. Рука автоматически нырнула в холод и вынула серебристый брикет мороженого. Какое-то время Назар с недоумением смотрел на «Молочный полюс» (теперь с орешками и шоколадной крошкой), а потом хохотнул.

На ум пришла Базовкина. Воспоминание о ее перекошенном лице и рте, исторговавшем какой-то чудовищный писк чуть ли не за гранью слышимости, вызвал новый приступ хохота.

Обычно Назар не заводил интрижек на работе. Как говорится, не сри там, где ешь. Однако в прошлом году на него нашла блажь, и Лора Базовкина, работавшая в том же ОВД по Кемскому району, только по делам с несовершеннолетними, неким образом пробила в его правиле

брешь. Вероятно, причина была в регулярных ударах метафорической гирей, олицетворявшей разом все достоинства Лоры. Или гирями, если уж на то пошло.

Как настоящий джентльмен, Назар пригласил ее к себе, чтобы угостить мороженым. Господи, и этот тупейший повод сработал! Но никто из них так и не получил желаемого: Лора осталась без мороженого, а Назар – без сладкого.

Продолжая изображать галантного ухажера, он отправился к музыкальному центру, чтобы включить ненавязчивый джаз, под который десерт пришелся бы по вкусу им обоим. Лоре же было предложено, как жертве джентльменских ужимок, добыть мороженое самостоятельно.

– Оно кажется подтаявшим, – пожаловалась тогда Лора, капризно надувая губки.

– Наверное, пока нес, приложил не к тому месту.

– Пожароопасный был очаг, да?

– Похоже на то.

Рассмеявшись, девушка уселась за стол, и ее груди большими каплями всколыхнулись в разрезе блузы, а потом она развернула «мороженое» и попыталась добыть кусочек острыми зубками. К сожалению, мороженая мышьяная голова плохо поддавалась любым зубкам. Назар смотрел на это с выпученными глазами. Хотел бы он, чтобы это закончилось побыстрее, но Лора еще два раза успела познакомить свой рот с холодным трупиком.

Наконец она с недоумением подняла «мороженое» к глазам, и ее лицо буквально перекосило от визга. Рот распахнулся и не закрывался, словно там до сих пор ощущалась мороженая плоть грызуна. Возможно, в тот момент так оно и было.

В итоге грызун с твердым стуком ударился о трубу вытяжки, оставив на серебристой поверхности влажный след, а Лора покинула квартиру Назара. Ее крик был слышен даже в подъезде. И на улице, тремя этажами ниже, – тоже.

О случившемся по понятным причинам никто так и не узнал, но Лора с Назаром с тех пор даже не здоровалась.

– Да, Лора, не повезло тебе, – проговорил он, когда смех наконец-то отпустил его.

Назар вернул мороженое обратно в морозилку и вынул оттуда окоченевшую мышь. Оглядел ее. Да, такую целлофановую упаковку немудрено спутать с заводской. Но остальное, скажите на милость, ведь можно было разглядеть, верно?

Выдав еще один смешок, Назар освободил мышь от целлофана, в который с маниакальным упорством зоомагазина заворачивали подобный «корм». Затем переложил грызуна на диск микроволновки и разогрел в щадящем режиме. Подхватив мышь за потеплевший хвостик, Назар отнес ее к террариуму, стоявшему в углу гостиной, и аккуратно опустил внутрь.

Калигари, метровый маисовый полоз, с неспешностью политика запихнул угощение в рот.

– Другое дело, да, приятель?

Карамельно-песочный полоз не ответил, сосредоточенно проталкивая в глотку добычу, которой должно было хватить где-то на полторы-две недели.

«Вот бы и мне так», – с усмешкой подумал Назар. Конечно же, мышь, попавшая к Лоре в руки, тоже предназначалась Калигари... но досталась почему-то девушке, которой определялось совсем другое.

Не особо церемонясь, Назар поставил в микроволновку, в которой только что размораживал грызуна, вчерашние спагетти. Когда они разогрелись, засыпал их зеленью и тертым сыром. Из куртки оперуполномоченный так и не вылез.

Затем, вооружившись пивом и ужином, Назар направился в ванную. Там включил горячую воду и, раздевшись догола, забрался в эмалированное ложе и попытался вытянуться. Завтра предстояло отправиться на Сирены Амая, а он продрог как собака. Хотелось согреться.

– Ладно, побуду как дамочка, – подытожил Назар. Открыв пиво, он сделал первый, глубокий глоток. Рыгнул. – Ну, Чабан, уже придумал, как обзовешь нас, а?

Пятидесятилетний Степан Сальников, больше известный среди товарищей как Чабан, был их куратором от береговой охраны. Огромный и здоровый, он вполне мог играть в лапту подпиленным рельсом. А еще Чабан имел потрясающую способность – давать странные позывные. Если Назар не ошибался, в береговой охране до сих пор летали пара «Битлджусов» и плавал один быстроходный «Хаврош». Что и говорить, загадочны дела твои, Господи.

Как бы то ни было, завтра именно с Чабаном и его людьми предстояло поддерживать связь, пока следственно-оперативная группа будет рыскать по тайге в поисках деревенщин с кривыми зубами. Или сатанисты выглядят иначе?

Назару было на это плевать, и он, шмыгая носом, приступил к ужину.

3

Вероятно, в эту самую минуту между Назаром и Степаном Сальниковым, которого оперуполномоченный назвал Чабаном, установилась в некотором роде ментальная связь. Потому что Степан, этот крупный, но отнюдь не глупый мужчина, отвечавший за безопасность побережья Кеми и Беломорска, действительно ломал голову над позывным для следственно-оперативной группы.

Он тоже находился у себя в холостяцкой квартире и тоже пытался приступить к ужину, хоть и не в ванне, а за компьютером, чего обычно себе не позволял. На тарелке остывал стейк, что само по себе было кощунством чистой воды. Вдобавок ломоть обжаренной говядины напоминал жертву рукопожатия ядерного человека. Но какой кулинарный промах не исправляла водка с тоником, верно?

Степан в задумчивости водил курсором по экрану, перемещая его по страшной тайне позывных. Генератор кличек для животных предлагал задарма прозвище для абсолютно любого питомца: кошки, собаки, грызуна, амфибии. Немного подумав, Степан остановил свой выбор на кличке для лошади.

– Ну, ребятки, какой у вас завтра день? – пробормотал он, обращаясь сразу ко всем членам группы.

Дело было, скажем прямо, довольно-таки мерзкое. Хотя бы потому, что именно это убийство не имело ничего общего с человеческими эмоциями, отвечавшими за типичные проявления жестокости. Жена, заставшая мужа с любовницей, в состоянии аффекта способна разmozжить им головы кухонным молотком. Выпивоха запросто угостит собутыльника топором только за одну усмешку, когда речь странным образом зайдет о ценных бумагах. И всё такое.

Ревность, гнев, зависть, злоба – вот четыре всадника всех умышленных убийств в мире. И к ним, на хромированной скелетообразной кляче, пытался прибиться религиозный экстаз.

Именно так объяснил ситуацию Симо Ильвес, когда сегодня, около четырех пополудни, подавал запрос на включение в состав группы религиоведа и патологоанатома, с чего-то решившего, что он – медик. Степан было заартачился, потому что гражданским не хрен ловить в таких делах, кроме пуль и ударов ножей на свои задницы.

«Да, по-моему, так я Симо и ответил: не хрен», – с улыбкой подумал Степан.

Но в итоге он всё равно согласился – и не в последнюю очередь потому, что увидел фотографии той бедняжки. Если психопатов, сотворивших это, поможет отыскать ищейка-религиовед – прекрасно. Значит, так тому и быть. Медик тоже не будет лишним. Вдобавок в составе группы отправятся Черкашин и Голанов. А эти двое могут и пострелять в случае чего.

Почему в группе всего семеро? Потому что подозреваемых пятеро. Так сказать, по количеству пар прорезиненных сапог, как упомянул Симо. Перевес на нашей стороне, не думаете? Ха-ха. Степан так не думал. Расследование будет проходить при участии береговой охраны, так что он, как говорится, будет не только держать руку на пульсе, но и сожмет эту конечность до посинения, если потребуется.

Какая-то часть рассудка Степана пожелала, чтобы он сравнил картинки трупа, зарисованные памятью, со стейком на тарелке. Он передернулся, едва не поддавшись этому странному искушению. Наконец кликнул по значку «СГЕНЕРИРОВАТЬ», и следственно-оперативная группа в мгновение ока обзавелась позывным «Архипелаг».

– Неужели кто-то действительно назвал бы так жеребца? – изумился Степан.

Поразмыслив, он пришел к выводу, что кличка одинаково хороша и для лошадей, и для людей, готовых выполнять тяжелую и опасную работу. Позывной был аккуратно внесен в открытый блокнот, чтобы уже назавтра очутиться во всей документации береговой охраны.

По столу пошла вибрация, и Степан перевел взгляд на смартфон. Звонила Альбина. Завтра она должна была вернуться в Кемь после однодневного визита к сестре. Что ж, вероятно, следующую ночь он проведет не один.

Он принял входящий вызов и улыбнулся, услышав знакомый голос.

– Привет, красавчик. Какого цвета на тебе трусики?

Степан хохотнул, показывая, что не прочь толики веселья, и тяжелым шепотом ответил:

– Почему бы тебе не звать меня – Архипелаг?

Первый кусок остывшего стейка наконец-то отправился в рот.

4

Контрольных работ по ОРКСЭ³ за четвёртую четверть набиралось немногим больше девяноста, и уже к следующему вторнику классы начальной школы хотели получить свои оценки. Хотя работа в Управлении образования и была основной, наибольшее удовольствие Ева получала от преподавания ОРКСЭ и ОДНКНР⁴ в Средней общеобразовательной школе № 2.

Мельком просмотрев первую контрольную, Ева поставила бледно-красную «пятерку» и на ощупь взяла следующий лист.

Мысли, словно примагнитенные, крутились вокруг той мертвой девушки. Бедняжка не просто страдала перед смертью – она перенесла чудовищные муки, что в данном случае означало – умерла в полном соответствии с догмами сатанинской церкви. Запечатленное на снимках тело, вобравшее в себя цвета мела, венозного пурпура и желтизну неспелого лайма, опять возникло перед глазами.

«Господи-господи-господи, какой ужас!» – в который раз подумала Ева, почти не глядя ставя очередную оценку. Цифра получилась помесью бульдога с носорогом, чем-то средним между «четверкой» и «пятеркой», но девушка не заметила этого.

Она сидела на диванчике, подтянув к себе ноги и положив на колени чистую разделочную доску. Контрольные, словно листики белого, чрезвычайно тонкого мяса, клались на твердую поверхность доски, проходили через мысленное сито и, получив оценку, откладывались в сторону. Кто вообще сказал, что преподаватель должен являть собой образец благоразумия? Если сидеть с разделочной доской на коленях означало выполнять свою работу с комфортом – значит, так тому и быть.

Включенный торшер заливал «рабочее место» приятным теплым светом. Но этот уют казался ненастоящим, поддельным, потому что сегодня разум назубок выучил преподаваемый урок: всегда есть те, под кем находится лишь холодная поверхность.

Еву передернуло, и она сообразила, что держит одну из контрольных, пробегая взглядом один и тот же ответ. Темой работ значились «Добро и зло», и один из вопросов предлагал учащимся закончить фразу: «О человеке говорят, что он – злой, когда он...» Чими́на Мария из четвертого «Б» посчитала, что человек злой, когда он «делает больно другим».

---

³ Основы религиозных культур и светской этики.

⁴ Основы духовно-нравственной культуры народов России.

– Верно, Маша, и той бедняжке сделали очень и очень больно.

В следующей работе злым посчитали того, кто «громко кричит». Контрольные в руках Евы зашелестели так, словно попали в поток осеннего ветра.

«О человеке говорят, что он – злой, когда он...

...не делится.

...обижает животных.

...трогает тебя в запретных местах.

...стреляет в других людей.

...черный внутри».

– Господи боже! – Ева зажала рот руками. Глаза не отрывались от последнего ответа.

Черный внутри.

Контрольные съехали на пол, растянувшись по ковру белой неровной дорожкой, когда Ева встала. Она перебежала за рабочий стол, который был не так удобен, как комбинация дивана и разделочной доски, и вывела компьютер из режима ожидания. Заниматься и дальше школьными делами было глупо, учитывая, что завтра им могли повстречаться те, кто были *черными внутри*.

Ева углубилась в подборку статей, посвященных сатанизму, которые успела собрать после возвращения из морга. Ее нынешних познаний вполне хватало, чтобы с уверенностью судить о многом, но она только сейчас прочувствовала – до мурашек, до огромных, крупных мурашек, – что люди, поклоняющиеся Сатане, *черные внутри*.

Перед ее мысленным взором возник комичный образ Регины. Та, тряся сережками и двойным подбородком, пятилась, пытаясь закрыть толстой задницей «иисусову коллекцию», которую собрала у себя в кабинете. Но всё падало и рассыпалось, падало и рассыпалось, ломаясь и разваливаясь на куски.

– Есть только Иисус, заграбастанный тобой, да, стерва? А как тебе тот, о ком знают даже дети, а?

По неясным для нее самой причинам, Ева на прошлой неделе, когда все разошлись на обед, заглянула в личное дело Регины. И узнала, что Регина Вадимовна Ошукова, семьдесят второго года рождения, в браке с двухтысячного, мать двадцатилетнего балбеса, проживает на Каменевой, дом семь.

Здесь можно было бы сделать паузу и начать гадать, для чего Еве понадобился домашний адрес начальницы. Действительно – для чего? Чтобы как-нибудь вечером, вооружившись пиццей с ананасами, нанести визит вежливости? Чтобы закопать топор войны с помощью бутылки недорогого вина? Или дело всё-таки не в попытке навести мосты?

И на миг, всего на мгновение, Ева ощутила, что тоже *черная внутри*.

Потому что голосок, пришедший из самых глубин ее души, раскрыл истинную причину.

Еве хотелось навинтить свою точку зрения на пику, а затем, выкрикивая о многообразии религий, воткнуть ее в глотку стерве.

5

Харинов тоже готовился к завтрашним мероприятиям. Он со всей тщательностью, с какой обычно проводил вскрытия, почистил подходящую одежду и собрал саквояж, превратив его в мощную походную аптечку. Не то чтобы он действительно собирался врачевать всех направо и налево, просто легкое занудство было частью его натуры, как, к примеру, специфичный «морговой» юмор или привычка, чтобы его называли исключительно по фамилии.

Так что долг врача перед потенциальными пациентами был выполнен.

Но что такое долг, если его нельзя разделить с женщиной? Можно разделить с ней пирог с повидлом или зарплату, но только совместный долг мог сплотить мужчину и женщину сильнее брака.

Харинов вот уже четвертый год питал к Лине чувства, которые можно было охарактеризовать как нежно-профессиональные. В конце концов, они работали вместе. Почти. Лина – в криминалистическом отделе ОМВД России по Кемскому району, а он – в городском морге, изредка выступая в качестве специалиста по судебно-медицинским экспертизам.

«Ты – эксперт, и я – где-то рядом. Так почему бы нам не провести парочку совместных экспертиз? Можно начать со вскрытия бутылочки чего-нибудь горячительного», – порой думал Харинов, и его передергивало от отвращения. Слишком уж пошло это звучало даже у него в голове.

Но сейчас ему выпал редкий шанс показать себя во всей красе, и под красой Харинов подразумевал свой внутренний мир, больше походивший на прокопанный туннель под кладбищем. Сплошь темень да хихиканье, вызванное табличкой «Наденьте, пожалуйста, каску: с потолка могут свешиваться бледности».

В домашнем халате с черными и красными полосами, он прошел в гостиную, имевшую на стенах несколько абстрактных картин. Развалился на диване и взял в руки пульт от телевизора с диагональю экрана в пятьдесят пять дюймов.

Несмотря на гадливость общества, которую неизменно вызывала выбранная им стезя, Харинов неплохо зарабатывал. Конечно, не так хорошо, как тот же владелец похоронного бюро, но достаточно, чтобы хватало на ежегодную смену дорогих моделей телевизора, приличную звуковую систему и безупречную звукоизоляцию квартиры, иначе первые два пункта потеряли бы всякий смысл.

Экран телевизора потемнел, и появилась узнаваемая эмблема кинокомпании «Уорнер Бразерс». Потом щит с буквами «WB» сменил короткий видеоряд, и возникла надпись: «Фильм Уильяма Фридкина». Где-то принялись тревожно повизгивать скрипки, пробирая до мурашек, и Харинов в нетерпении заелозил, записывая полы халата поглубже между ног.

Вряд ли кто-нибудь назовет просмотр фильма «Изгоняющий дьявола» подходящим способом привести мысли в порядок, особенно на фоне предстоящего визита в потенциальное логово сатанистов. Но Харинов так не считал. В конце концов, каждый пьет только те витаминки, в которых наиболее нуждается, верно?

– Чёрт, мне просто нужно знать, как побороть их директора, – пробормотал Харинов, будто оправдываясь невесть перед кем за неуместный досуг.

Спустя четверть фильма он уже в голос посмеивался над фантазиями на экране.

6

Что-то тревожное и неосязаемое, как сорванная ветром паутина, пронеслось по квартире, и Лина открыла глаза. Какое-то время она собиралась с мыслями, а потом сняла с груди раскрытую книгу Пола Шелдона «Возвращение Мизери» и, захлопнув ее, положила на столик. Бодьян приоткрыл зеленый глаз и, оставаясь в том же положении клубка, забравшегося под мышку, более ничем не показал, что тоже проснулся.

По квартире-студии плавали тени, рождавшиеся от игры воды и света. Пошел дождь, и его капли, бежавшие по оконным стеклам, подхватывали блики вечерних улиц и превращали в бесформенные силуэты. В центре этого колышущегося теневого гнезда, приходившегося на диван, озиравась Лина. Погладив кота, она встала.

Она четко помнила, как услышала *это* – то, что ее пробудило. Будто в дожде, прячась за стуком капель и гулом машин, пронеслось нечто огромное и мощное. Задержавшись на высоте четвертого этажа, это самое нечто царапнуло оконные рамы. Полоснуло когтями по пластику. *Клак-кряж*. Будто пыталось добраться до ее разума.

Прекрасно понимая, что ведет себя странно, хуже того – иррационально, Лина бросилась к окну. Откинула голубоватый газовый тюль, с шумом выдохнула, ожидая встречи со сном. Но

вечерняя Кемь не предполагала, что среди коробок домов и огней или над шоссе будет парить нечто черное и крылатое.

Оконные рамы, насколько могла судить Лина, тоже были как будто целы.

Оставив широкое окно зоны гостиной в покое, она включила свет и прошла на кухню. Там налила себе стакан воды и залпом его осушила. Но простое действие не принесло желанного удовлетворения. Наоборот. Внутренний зуд, источник которого невозможно было установить, лишь усилился, словно на повышенных оборотах заработал далекий визгливый мотор.

Испытывая Лина голод, она бы без труда угадала состояние, когда организм нуждается в соединении, которое не может распознать мозг. Как дети, что едят глину или мел, когда им не хватает кальция. Однако она не хотела есть, вовсе нет. Желудок, залитый водой, молчал. Подсознание отчаянно тянулось к чему-то размытому, размазанному по воспоминаниям, пока еще запертым в галерее памяти.

«Это какой-то образ», – вдруг поняла Лина и с облегчением ощутила, как псевдоголод частично затих, показывая, что она на верном пути.

Лина распахнула холодильник, и Бодьян прыгнул с дивана. Выставив хвост в потолок, он побежал на знакомый звук, тараша при этом голодные глаза.

– Это не тебе, успокойся, – прошептала Лина.

Она судорожно обшаривала взглядом полки с продуктами. Жирный творог с изюмом. Бананы. Всё не то. Неожиданно ее внимание привлекла охлажденная куриная тушка. Сейчас, наверное, уже и не встретить тех, кто покупал бы тушку целиком. Это как минимум неудобно. Но это всего лишь доказывало, что такие люди никогда не держали питомцев, коим требовалось напоминать, что они всё еще охотники.

Четвертая, если не третья, часть этой голой дамочки предназначалась Бодьяну. В основном – голова с повисшим гребешком, крылышки, пупырчатая кожа и лапы.

Лина выдернула курицу из холодильника и разорвала упаковочную пленку. Она не сводила глаз с куриных лап. Ороговевшие бугорки, когти, рудиментарные зачатки шпор – всё кормило ее разум. Странный псевдоголод затихал, шепча и шепча на ушко: «Да, ты почти нашла это. Почти...»

Пальцы разжались, и куриная тушка плюхнулась на пол, к радости вздрогнувшего Бодьяна. Оставив кота наслаждаться вторым ужином, Лина прошла к компьютеру. Без труда отыскала папку с сегодняшними снимками. Узнай кто-нибудь, что она хранит такое на жестком диске у себя дома, и ее карьера съехала бы вниз быстрее, чем желток тухлого яйца по вощеной бумаге.

По экрану рассеялись фотографии мертвой девушки, обнаруженной на каменистом берегу недалеко от Пираостровска.

Словно оттягивая приближающийся оргазм, Лина попыталась отвлечься на что-то менее интересное. Но все рельсы вели *туда*, и она спустя несколько секунд безуспешной борьбы сдалась. Увидела то, что пробудило в ней странную смесь из тоски и необъяснимой любви.

Всё пространство экрана занял снимок, запечатлевший ступни трупа, бесцветные от длительного пребывания в холодной воде. Лина тихо заскулила. Генетическая патология, награвдившая мертвую девушку птичьими лапами, была прекрасна.

Некий участок разума принялся твердить, что это ненормально. Нездорово, в конце концов! Очнись! Скрестив руки на груди, Лина откинулась на стуле, как делала всегда, если работа полностью становилась умственной, и попыталась осмыслить свое состояние.

Всё было в полном порядке, когда она вернулась домой с дежурства. Бодьян, получивший обязательные мясные консервы «Хвост Пистолс», без которых он напоминал пищазую сигнализацию, не даст соврать. Позднее, около пяти, позвонил Симо Ильвес и спросил, согласится ли она, Лина Трофимовна Щурова, присоединиться к оперативно-розыскным мероприятиям на Сиренах Амая.

Лина, конечно же, согласилась. Едва не закричала от восторга, хотя и сама не понимала, в чём дело. Чтобы успокоиться, она решила прилечь и почитать, да так и задремала на диване, оставшись в домашнем халате и шлепанцах.

Откуда-то издалека пришло осторожное холодное касание.

Вскрикнув, Лина обнаружила, что держит в правой руке канцелярский нож с черно-желтой ручкой. Металлический сегмент ножа обломился и теперь торчал между вторым и третьим пальцами левой ноги. Лина так увлеклась изучением фотографий, что не заметила, как поставила ногу на сиденье стула, взяла нож и попыталась разрезать тонкую перепонку из собственной кожи.

Соскочив со стула, она поспешила за аптечкой. Капельки крови отметили ее путь. С лица не сходила умоляющая улыбка. Зато всё наконец-то встало на свои места.

Лина смертельно завидовала уродству мертвой девушки.

13 Беседа (фрагмент 1)

Раздался щелчок, и послышался скрип ножек стула по линолеуму. Одновременно с этим явственно прозвучал выдох. Легонько стукнуло нечто практически невесомое. Потолочный вентилятор порождал неторопливое *ввум-ввум-ввум*.

– Закурите? – Вопрос был задан мягким и будто бы упреждающим тоном.

– Нет, благодарю.

– Хорошо. Тогда приступим. – Первый голос откашлялся и с нотками официальной сухости произнес: – Пятое мая, два сорок пополудни, помещение ОМВД России по Кемскому району, Гористая семь. Аудиозапись беседы осуществляет подполковник ФСБ Андрей Иннокентьевич Абрамов. Представьтесь.

– Две тысячи двадцать третий.

– Что, простите?

– Вы забыли год назвать.

– Инициатива – прекрасно, Владислав. А теперь представьтесь, пожалуйста.

– Владислав Евгеньевич Терехов, двадцать восемь лет, старший лейтенант, участковый уполномоченный полиции ОМВД России по Кемскому району.

– Замечательно. – Чиркнула зажигалка, и последовал характерный звук, каким обычно сопровождается процесс всасывания дыма. – Может, всё-таки закурите? Нет? Хорошо. Как долго вы знаете Симо Ильвеса?

– Я пришел в органы в восемнадцатом году, и Симо уже работал. Так что примерно с того времени.

– Очень хорошо. Как вы можете его охарактеризовать? Какой он?

Ножки стула скрипнули, говоря о нервозности сидящего на нём.

– С этим вам лучше обратиться к Алексееву или в отдел кадров.

– Так и сделаем, спасибо за подсказку. Ну а вы что о нём скажете?

– Ну... он исполнительный и безразличный. Да, именно так.

– Безразличный? Вот как? Любопытно. Почему же?

– Он не прощает чужих промахов, даже если якобы виноватый был совершенно ни при чём.

– Вы его недолюбливаете?

Дребезжание стула сообщило о том, что наездник силился совладать с волнением.

– Это так важно?

– Ответьте, пожалуйста, на вопрос, Владислав.

– Симо чересчур умный для работяг в погонах вроде меня.

– Что ж, вполне себе ответ. – Последовала еще одна затяжка, на сей раз как будто сквозь зубы. – Согласно графику дежурств, вы, Владислав, находились в составе следственно-оперативной группы, выехавшей двадцать шестого апреля на сообщение о теле, обнаруженном на диком пляже близ Пираостровска. Расскажите об этом.

– Да что тут рассказывать? Всё было как обычно. Поступил вызов от мужика, выгуливавшего на берегу собаку с такой еще забавной кличкой...

– Пикуль.

– Да, точно, Пикуль. Так вот, мы приехали на место и...

– Вам плохо?

– Вы бы видели ту бедняжку. Вместо груди – рубцы, сама вся в порезах. Я чуть не блеванул. Не появись там Симо, точно бы распрощался с завтраком.

– Я видел фотографии, Владислав. А еще я был на Сиренах Амая спустя несколько часов после того, как там всё закончилось.

– Господи! Это, наверное, выглядело ужасно, да?

– Фантазии не хватит, чтобы описать.

– Я, пожалуй, закурю.

– Конечно. Но давайте вернемся к берегу и Симо Ильвесу. Каким он был в тот момент?

Зажигалка чиркнула снова, и еще одно дыхание изменило ритм, приспособиваясь к целенаправленному поглощению никотина.

– Он был собой, если вы об этом. Никаких заскоков, ничего такого. Если так посмотреть, то его эти зверства не особо шокировали. Симо просто делал свою работу.

– Прекрасно. Может быть, с его стороны были какие-то странные взгляды, которые он бросал на мертвую девушку? Он не казался раздраженным или злым?

Отвечавший хмыкнул и еще раз затянулся.

– Видимо, я должен проговорить это как положено, да?

– Возможно.

– Нет, Симо Ильвес не казался раздраженным или злым.

– Замечательно. Тогда такой вопрос. Совершил ли Симо Ильвес ошибку, взяв с собой на остров неподготовленных людей?

– Вы про патологоанатома и ту девушку-религиоведа?

– Да. Борис Андреевич Харинов и Ева Григорьевна Ивкова – они самые.

– Конечно, допустил! Симо не должен был тащить с собой гражданских! Кто вообще такое позволил?

– И вы бы, Владислав, куда лучше подошли на эту роль, я прав?

Повисло молчание, длившееся чуть больше минуты. За это время возникло и пропало крошечное потрескивание, сказавшее о том, что одну из сигарет затушили.

– Чёрт возьми, вы что, и под меня копаете?

– Мы просто копаем. – Первый голос погрузился. – Вы ведь хотели отправиться на остров, Владислав, верно? Вы даже подали по этому поводу служебную записку, не так ли?

– Да.

– Почему вы подали ее на имя Степана Сальникова, заместителя руководителя департамента береговой охраны по республике Карелия? Почему не обратились к своему непосредственному начальнику или напрямую к Симо Ильвесу? Вам ведь хорошо известен порядок подчиненности.

– Почему? Потому что Чабан не отшивает людей так, что потом сам себя начинаешь ненавидеть. Мы можем сделать перерыв? Хочу воздуха глотнуть.

– Да, конечно. В аудиозаписи беседы с Владиславом Тереховым объявлен перерыв.

Раздался щелчок, и все шумы оборвались.

Часть 2 Сирены Амая

14 Отплытие

На юго-восточном городском причале топталась группа из четырех человек. Еще двое, в красных куртках со световозвращающими элементами, подготавливали «Северную Звезду» к отплытию. День обещал быть задумчивым, но ярким, словно в станок, ткавший серое полотно утренних туч, попали голубые стеклышки. И теперь через эти окошки проглядывало весеннее небо.

Катер, предназначенный для прогулок и рыбной ловли в открытом море, вполне мог сойти за таковой, если не брать в расчет, что под штурвалом, больше напоминавшим автомобильный руль, был спрятан автоматический карабин и еще один находился в нише под кухонным шкафчиком. Не отставал в этом плане и ящик с сигнальными пиротехническими средствами. Он мог предложить две «Гюрзы»⁵, скрытые за однозвездными ракетами, сигнальными огнями и дымовыми шашками под первым дном.

Глядя, как два сотрудника береговой охраны безупречно изображают экипаж нанятого катера – переругиваются и спорят из-за того, кто в прошлом месяце натирал корпус мастичным воском, – Назар улыбался. Если на кого и можно было целиком положиться, так это на них. Сам оперуполномоченный чувствовал себя прекрасно – и не в последнюю очередь потому, что горячая ванна накануне вытравила озноб из костей.

Но улыбка померкла, когда взгляд остановился на Еве и Харинове. Потенциально опасная парочка мило переговаривалась. Возможно, о том, как бы получше пустить мероприятие под откос.

Назар нахохлился. В своих армейских ботинках, непромокаемых штанах, пятнистой куртке и раскатанной по голове шапочке он был похож на мрачного рыбака, позабывшего в гараже любимый гарпун.

– Симо, пока не поздно, отправь этих двоих по домам.

Симо повернул в их сторону голову, потом внимательно посмотрел на оперуполномоченного.

– Даже Харинова? – уточнил он с улыбкой. – Еще спасибо скажешь, когда он в полевых условиях оставит на тебе аккуратный стежок.

– Он же шьет трупы, Симо!

– Ничего, сегодня немного pošьет живых.

Назар скривился и три раза сплюнул через левое плечо.

На самом деле Симо разделял сомнения оперуполномоченного. Однако что-то подсказывало ему, что у них может не оказаться времени, чтобы навестись в библиотеку и узнать, правильно ли они поступают, говоря «салют» там, где нужно сказать «прощай». От своевременности верных подсказок могли зависеть их жизни.

Из глубин подсознания всплыл голос Лены, пронизанный вечной заботой: «Знаешь, Симо, когда-нибудь они спасут тебе жизнь». Конечно же, она имела в виду подушечки никотиновой жвачки, а не этих двоих, но фраза удачно вписывалась в момент. Тем не менее рука сама нырнула в боковой карман куртки. Упаковка «Никоретте», зажата в ладони, принесла неожиданное успокоение.

---

⁵ «Гюрза» – пистолет силовых подразделений специального назначения.

На причале показалась Лина. Она тоже сменила верхнюю одежду. Ее лицо оставалось таким же суровым и необитаемым для эмоций, хоть на голове и красовалась цветная вязаная шапка с помпоном. Пуховик цвета серебрянки шуршал и блестел при ходьбе.

Всех охватило волнение. Нет, ничего особенного с появлением Лины не случилось. Но она была последним членом «Архипелага», а это означало, что следственно-оперативная группа, получившая «лошадиный» позывной, вот-вот отправится навстречу неизвестности. И скорее всего, в той самой неизвестности бродят психопаты, ожидавшие свои пять пар сапог, а заодно изуродовавшие и убившие девочку-подростка.

Заметив в руке Лины неизменный криминалистический чемоданчик, Харинов сделал галантный шаг вперед и качнул медицинским саквояжем из натуральной кожи и с блестящими застежками.

– Чокнемся? – предложил он, имея в виду их профессиональный багаж.

В своем сером пальто и неуместном экстравагантном котелке патологоанатом напоминал доктора викторианской эпохи. Правда, доктора прошлого не носили современных галош поверх дорогих итальянских туфель. Но кого это волновало? Уж точно не Харинова, едва не начавшего вилять хвостом при виде предмета обожания.

– Я не опоздала? – спросила Лина. Ее тяжелый взгляд ударил в Симо, не одарив патологоанатома и толикой своей гравитации.

– Вы точны как песочные часы, Лина, – вставил Харинов.

– Не беспокойтесь, вы вовремя, – сказал Симо и пожал ей руку, поскольку не делил коллег по полу.

Ему и до этого встречались сомнительные сигналы от тех, с кем он работал. Кто-то целенаправленно подавал кисть ладонью вниз, что говорило о желании доминировать. Кто-то делал ладонь ковшиком, мастера из нее таким образом орех, который не всякому будет по зубам.

Но то, что Симо ощутил в рукопожатии Лины, заставило его брови сдвинуться к переносице.

Обычно сухое и сдержанное, сейчас рукопожатие изменило амплитуду. Кисть Лины словно имитировала движение оружейного затвора или ножа, воткнутого в плоть. Такое рукопожатие, как правило, встречалось у убийц. На миг это выбило Симо из колеи.

– Ну что, отправляемся? – поинтересовался Харинов, лучась идиотской улыбкой.

Сотрудники береговой охраны подошли к поручням катера и облокотились на них, ожидая распоряжений.

Ева украдкой протянула руку Лине и шепнула:

– Ева. Надеюсь быть полезной.

– О, и я на это надеюсь, – отозвалась Лина, так и не представившись в ответ.

Не то чтобы это сильно задело Еву, вовсе нет. Временами мир вообще состоял из вот таких непробиваемых «регин». Так стоило ли попусту переживать? Она решила, что не стоит.

Симо окинул быстрым взглядом группу и задумался, требуется ли им какая-нибудь легенда. Да, все по большей части выглядели как туристы-рыболовы, нанявшие катер в совершенно неподходящее время. Но как быть с профессиональным инвентарем Лины и Харинова, когда они придут на остров? Эти коробки не очень-то вязались с образами любителей морских прогулок.

Еще раз оглядевшись – на этот раз для того, чтобы убедиться, что поблизости нет лишних ушей, – Симо сказал:

– Наша задача – прибыть на Сирены Амая, отыскать следы убийц и, если ситуация выйдет из-под контроля, вызвать кавалерию. Мы не знаем, что нас ждет, поэтому мы – группа малознакомых людей, записавшихся на экскурсию по островам Онежской губы. Этой легенды придерживаемся до тех пор, пока в ней не отпадет надобность. Это всем ясно?

Никто не кивнул, но этого и не требовалось.

– Нас будут сопровождать Черкашин Виктор и Голанов Евгений, – продолжил Симо. – Они из береговой охраны. В случае чего – прикроют.

«Рыбаки» с серьезными лицами по очереди подняли руки, когда прозвучали их имена. Теперь даже представить было сложно, что они пару минут назад препирались из-за какой-то полировки корпуса.

– А теперь самое важное. – Симо выдохнул, пытаясь сообразить, как получше донести следующую мысль. – С нами отправляется специалист по религиоведению. Ева Ивкова. Вот она. И если она прикажет улыбаться или затынуть «Отче наш» – вы сделаете это. И немедленно.

– Даже если в этот момент кто-то из нас будет разжимать капкан, повисший на ноге? – уточнил Назар, чудом удержавшись от того, чтобы подпустить в голос ехидства.

– Верно, Назар. Ева – наш миноискатель религиозных снарядов, если угодно. Поэтому относитесь к ее словам серьезно.

Оказавшись в перекрестье взглядов, Ева ощутила неловкость. Никакого дружелюбия, только слабый профессиональный интерес. Она сдвинула края капюшона парки к лицу и спрятала в них нос.

– Я вас не подведу, – зачем-то пробормотала она.

– Не сомневаюсь, – отозвался Симо. – Если вопросов нет – прошу на борт.

Вопросов не было, и Назар первым затопал по задрожавшему трапу. Следом двинулся Симо, но больше для того, чтобы успеть уловить никотиновые запахи, шедшие от оперуполномоченного. Ева пошла третьей, всё еще чувствуя, как ей казалось, недовольство остальных, вызванное ее столь высоким статусом.

Засуетившись, Харинов подал Лине руку, помогая взойти на борт.

– Известно ли вам, дорогая Лина, такое понятие, как «перчатки смерти»?

– Конечно, – ответила та с каменным безразличием.

– Тогда вам, наверняка, будет интересно послушать о том, как однажды мне довелось их примерить, помогая составить дактокарту неизвестного.

Камень треснул, и Лина улыбнулась, позволяя увлечь себя в беседу.

Катер «Северная Звезда» отчалил, выходя в холодное море.

15 «Твисты планеты»

Из ежемесячной газеты «Твисты планеты», №6, июнь, страница 2:

Островной гигантизм: правда или вымысел?

«В рубрике "Земля чужая" мы продолжаем публиковать интервью с различными деятелями науки. На этот раз в редакции "Твистов планеты" побывал Альберт Феликсович Баданин, профессор Института биологической систематики имени К. М. Бэра, известный своим экстравагантным научным трудом "Бег в легочных мешках". Беседа, как обычно, проходила в формате вопрос-ответ.

В:

– Альберт, добрый день. Спасибо, что уделите нам время. Давайте начнем с самого простого. Что такое "островной гигантизм"?

О:

– Добрый день, добрый. Грубо говоря, "островной гигантизм" – это феномен. Биологический, разумеется. И в первую очередь он связан с так называемой островной изоляцией. Согласно правилу Фостера, отдельный биологический вид с каждым следующим поколением может увеличиваться или уменьшаться в размерах, находясь в прямой зависимости от ресурсов острова или хищников.

В:

– Уменьшаться?

О:

– Да. Но это уже "островная карликовость": когда из-за недостатка пищи биологический вид становится меньше или попросту вымирает. Зачастую это связано с тем, что в ограниченном пространстве шансы на выживание выше у особей маленького размера. Островные лисицы с Канальных островов, флоресский человек, также известный как "хоббит", – примеров много.

В:

– Погодите, вы сейчас на полном серьезе сказали "хоббит"?

О:

– Именно так я и сказал. На полном серьезе. Полагаю, Толкин был бы счастлив, доживи он до 2003-го года, когда на острове Флорес были обнаружены тысячелетние останки "хоббитов".

В:

– Невероятно. Похоже, у нас с вами появился повод для еще одной встречи. Но вернемся к "островному гигантизму". Как вам известно, в конце апреля текущего года всю страну потрясла история Сирен Амая. Что вы об этом думаете?

О:

– Что я думаю... Думаю, всё, что случилось с той группой и происходило на острове, – ужасная, ужасная трагедия. А вообще, говоря об "островном гигантизме", Сирены Амая – классический пример того, как некоторые биологические виды, имея достаточный запас ресурсов и среду, свободную от хищников, могут вырасти до феноменальных размеров.

В:

– Какие крупные виды были обнаружены на Сиренах Амая, Альберт?

О:

– Ну, по большей части это травоядные животные из биома тайга – зайцы, бурозубки, кабарга, косули. Самый крупный обнаруженный заяц имел вес немногим больше пятидесяти семи килограммов, представляете?

В:

– Пятьдесят семь килограммов? Удивительно! Не хотелось бы случайно натолкнуться на такого монстра на улице. А вам?

О:

– И мне. (Альберт смеется)

В:

– Как известно, на острове обитала религиозная община. Дети Амая. Выходит, человек тоже занимал определенную нишу в островной изоляции, однако его присутствие не повлияло на рост животных. Точнее, не замедлило его и не остановило. Почему так?

О:

– Насколько я знаю, общине вполне хватало пищи, получаемой от ведения хозяйства. Куры, овцы. Охотой Дети Амая промышляли только по необходимости. Больше рыбной ловлей. К тому же община не держала собак или каких-то иных одомашненных хищников, которых можно было бы отнести к интродуцированным.

В:

– Интродуцированным?

О:

– Чужеродным. Завезенным на остров в результате деятельности человека.

В:

– А давайте немного пофантазируем, Альберт. Можно ли предположить, что изолированный человек, имея бесконечный доступ к пище – самой вкусной и, конечно же, полезной – и не имея врагов, сумеет нарастить размеры к следующим поколениям?

О:

– Это маловероятно. Скорее всего, первые испытуемые попросту разжиреют и утратят всякую привлекательность для противоположного пола. На том, полагаю, эксперимент и закончится.

(Смеются все)

В:

– Прежде чем мы продолжим, Альберт, хотелось бы задать вопрос, который буквально снесает всю редакцию "Твистов планеты". Почему ваш труд о загадках легочной системы насекомых получил такое название: "Бег в легочных мешках"?

О:

– О, это просто. Название придумал мой младший сын. Головастый парень, надо сказать. И я подумал: а почему бы и нет?»

(продолжение на стр. 11)

16 Дозорный

Кусок вяленого мяса разжевывался с трудом, но Тео знал, что если отнесется к процессу жевания спустя рукава, то уже через пару часов в животе появятся боли. Поэтому он старался изо всех сил, тщательно работая челюстями. Так же тщательно он осматривал горизонт. Материк почти терялся из виду, закованный в утреннюю дымку.

Но куда тщательнее Тео заглядывал в потрепанную книгу, которую притащил с собой. «Мауса» Арта Шпигельмана он зачитал буквально до дыр и сейчас заново знакомился с историей в картинках про мышей-евреев и котов-нацистов. В общине было не так много книг для чтения, но почти все они говорили об одном. О злости, которая бесконечно бушует на материке. О странных существах, которые шагают на длинных ногах по океанам, чтобы взглянуть на жидкие часы. Словом, каждая книжка увещевала остаться на острове.

Будь Тео понастойчивее, ему бы разрешили брать с собой даже тот засаленный альбом с глянцевыми страницами, на которых тигры охотились за гранатовыми зернышками. Но какой прок в одних картинках, если к ним нет интересных слов? Вдобавок Антеро обещал, что скоро у них появится новый экземпляр «Черной книги». Прошлый окончательно истрепался.

Злодеяния, творимые на материке, по-настоящему захватывали Тео. Он и не догадывался, что буквы и картинки выполняют роль ошейника. Скажи ему об этом, и он только пожмет плечами. Парень верил, что живет в лучшем месте на всём белом свете. Хотя бы потому, что тут не хозяйничают коты-нацисты и не шляются непонятные евреи, которых все умудряются обижать.

Тео оторвал взгляд от комикса и, прищурившись, увидел, что в сторону острова направляется катер. Суденышко медленно, с черепашьей скоростью двигалось по застывшим волнам.

С высоты в пятьдесят метров всё казалось таким – маленьким и медленным.

Такой же букашкой, точкой с ручками и ножками, выглядел для внешнего мира и сам Тео. Иногда он, когда уставал плясать на море или читать, раздевался догола и выплясывал, дразня проплывающие суда. Он кривлялся и тряс задницей, не имея ни малейшего понятия, являются его действия оскорбительными или нет. Кто этих загадочных существ разберет, а?

Неожиданно Тео пришел к выводу, что доставшийся ему кусок сушеной зайчатины содержал в себе слишком много соли и жил. Настроение окончательно испортилось. Он так и не позавтракал, а живот уже болел, словно там завелись капризные жуки.

Чтобы хоть как-то отвлечься от кишечных мук, Тео устался на катер, гадая, кто или что могло на нём плыть. Его воображение, такое же больное, как и он сам, подсказало, что за штурвалом стоит большой богомол, пока его жена, огромная богомолиха, занявшая собой всю рубку, нежно покусывает ему голову.

– Съешь его, жук! Съешь! – заорал Тео.

А потом в его сердце заворчалось беспокойство.

Что бы богомолы ни задумали, они явно планировали посетить остров, святую святых, обитель Красного Амая. Катер, сменив направление, теперь двигался направо, словно ища место, куда можно пристать. Солнечный луч высвечивал суденышко, и потому оно было четко различимо на фоне сонных волн.

Конечно, Тео мог бы взять бинокль, которым его снабдили, и попытаться рассмотреть, чем там заняты богомолы. Но это означало бы, что придется вспомнить о том, что у него есть *худший* глаз. Левый глаз Тео от рождения напоминал маленький шарик, в который забыли вкачать воздух. Вдобавок парень, чья правая рука тоже не пожелала расти – за той лишь разницей, что это случилось в десятилетнем возрасте, – не догадывался, что бинокль можно использовать как подзорную трубу. Один глаз – одна линза.

Богомолы тем временем осторожно двинулись влево, огибая пенные скалы острова с восточной стороны. Тео вскочил на ноги, сдвинув свою циновку дозорного, и бросился в можжевельник. Вытянув шею, он едва не соскользнул с обрыва, пытаясь разглядеть из кустарника катер. Тот замер, сделал рывок в сторону отвесного берега и поплыл дальше. Через тридцать метров он опять остановился. Маленькая точка с большой целью.

– Съешь его! – выкрикнул Тео.

Но богомолы не спешили поедать друг друга. Они продолжали искать место, откуда можно было бы ступить на остров.

До Тео наконец-то дошло, что нужно предупредить остальных.

17 Марьятта и Яма

1

Снизу раздался скрип, и Марьятта вздрогнула. Ей снились твари, кружащие над островом. Не больше десяти, они порхали в темноте и пронзительно кричали. Эти тошнотворные создания, напоминавшие сшитых воедино женщин и птиц, утаскивали мужчин и калечили когтями детей. У одной из тварей было лицо Марьятты – испуганное, с искусанными до крови губами.

Марьятта отняла голову от подушки и ощутила во рту соленое. Сообразила, что во сне действительно прокусила губу. Внизу, на нижней койке, с тяжелым сипением натягивал сапоги Дмитрий. Несложно было догадаться, куда спешил этот пожилой увалень с белой бородой, вогнутыми внутрь желтыми зубами и недалеким взглядом того, кто постоянно видел перед собой радужный мыльный пузырь.

Дмитрий поднялся, и холщовая ткань его штанов в области паха вздулась.

«Даже тебе с этим не совладать, да, Дмитрий?» – мысленно спросила Марьятта, когда тот вышел.

Как правило, женщины и мужчины спали в разных домах общины – по четверо, шестеро, а иногда и восьмером. Если набивались дети, то и того больше. Но одинаково противно пахло в любом спальном помещении. Чем-то съедобным и вместе с тем тошнотворным. А всё потому, что они были грязными животными, лишенными одиночества. Все до единого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.